

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

ЧЕРНЫЙ ГОРИЗОНТ

Андрей Мартьянов
Черный горизонт
Серия «Белая акула», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171358
Черный горизонт: «Ленинградское издательство»; СПб.; 2008
ISBN 978-5-9942-0160-2

Аннотация

Битва за Меркуриум продолжается. Планета погружается в хаос. И лишь немногие знают о том, что невероятный эксперимент окончательно зашел в тупик. Выход один: просить немедленной военной помощи в других мирах. Впереди всеобщая война или глобальная катастрофа.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	58
Глава третья	107
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Андрей Мартьянов

Черный горизонт

Автор искренне благодарит Сергея Казакова (Санкт-Петербург) за неоценимую помощь в работе над текстом и Елену Констандис (Москва) за моральную поддержку.

Разве ты не слышал, что Я издавна сделал это, а ныне выполнил тем, что ты опустошаешь укрепленные города, превращая в груды развалин? И жители их сделались маломощны, трепещут и остаются во стыде. Они стали как трава на поле и нежная зелень, как порост на кровлях и опаленный хлеб, прежде нежели выколосился.

4-я книга Царств, 19: 25-26

Жизнь – такое колесо, на котором долго не удержится ни один человек. И всё всегда кончается тем, что, описав круг, оно снова возвращается к исходной точке.

Стивен Кинг. Противостояние

Глава первая

Первый рассказ Николая Крылова К ВОПРОСУ О ДЕМОГРАФИИ

Меркуриум, Дольни-Краловице.

10 августа 3273 г. по РХ

...Скрывать нечего, однажды любопытство меня погубит. Если б не природное желание узнать обо всем и в подробностях, я никогда бы не встрял в давнюю историю на Гермесе, которая в итоге и привела меня на этот проклятуший Меркуриум. Прежде я и подумать не мог, что отдельно взятая и вроде бы ничем не примечательная планета способна довести человека до сердечного приступа!

Конечно, насчет приступа я слегка преувеличил – мы, homo sapiens novus, практически не боеем, но тем не менее по возвращении из Готии домой я чувствовал себя не лучшим образом и отсыпался почти сутки. Сказывались усталость, психологическое напряжение минувших дней и обилие информации, полученной за время путешествия на север.

Возвращаться в Дольни-Краловице традиционным способом – сиречь верхом или по морю – не было ни сил, ни желания. Посему я вызвал челнок с расположенной далеко за

Полярным кругом базы «Доннар», который и доставил меня в окрестности родимого городка менее чем за час.

Благодаря полимерному камуфляжу и бесшумным электромагнитным двигателям челнока мое прибытие осталось незамеченным – сами понимаете, для обитателей планеты высокие технологии являются чем-то немыслимым и едва ли не колдовским: архаичное сознание меркурианцев не примет технологий сложнее водяной мельницы или печатного прессы.

Надеюсь, вы не забыли, что я рассказывал о Меркуриуме, а если нет – разрешите напомнить. Эта звездная система расположена в рукаве Персея спиральной галактики Млечный Путь, очень далеко от земного Солнца, почти в девяносто пяти тысячах световых лет. Колонизация планеты выходцами с Земли – то есть теми, кто уцелел после Катастрофы 2283 года и Великой Эпидемии, поставившей точку в истории человечества в его прежнем виде, – началась около тысячелетия назад.

Нет-нет, разумеется, люди выжили, более того, наша раса разделилась на две различные эволюционные ветви: первая, «традиционная» составлялась из людей, эвакуировавшихся в системы Сириуса и Вольф-360 перед самой Катастрофой. Ко второй относились те, кто остались на Земле и подверглись воздействию комбинированного вирусного препарата, более известного как «Бич Божий» – препарата, который перестраивал генетическую структуру и изменил хро-

мосомный набор человека. Впрочем, об этом событии я рассказывал не один раз и очень подробно, у кого есть желание – могут просмотреть архивные записи¹.

Вернемся к Меркуриуму. За несколько столетий здесь сформировалась неофеодальная цивилизация – колонисты отказались от техногенного пути развития, намеренно стимулировали социальную реэволюцию и добились того, что планета прочно застряла в искусственно созданном «средневековье» со всеми его атрибутами: религиозностью, аграрной экономикой, прекрасными дамами, благородными и не очень рыцарями, колдовством и, конечно, «волшебными существами» – демонами, чудищами и страшилищами, исправно поставляемыми на Меркуриум граульфяным Университетом, в котором, собственно, я и работаю.

Если сначала мы лишь помогали не в меру заигравшимся в «настоящую сказку» меркурианцам разнообразить скучную жизнь битвами с настоящими драконами или охотой на оборотней, то несколько столетий спустя Университет начал разрабатывать грандиозный проект создания искусственной экосферы. Как известно, субцивилизация Граульфа пошла по технобиологическому пути – мы научились создавать любых живых существ, от мифологических, до узкоспециализированных, способных жить и выполнять определенные функции в вакууме, атмосфере газовых гигантов, на дне океана при колоссальном давлении и высоких темпера-

¹ Цикл А. Мартянова «Войти в бездну». Спб.: Лениздат, 2005–2007.

турах, и так далее, и так далее...

Однако никогда прежде Университету не предоставлялась возможность провести эксперимент глобальных масштабов – создать, расселить и заставить взаимодействовать между собой и с людьми сотни и тысячи видов искусственных тварей! Причем многие из этих существ являются не просто необычными животными, а обладают «способностями, превышающими стандартные».

Расшифровывается эта политкорректная формула следующим образом: университетские уродцы способны воздействовать на добычу или противника энергетически, ментально, с помощью гипноза, эмпатии, направленных ультра– или инфразвуковых волн. Если вы встречаете в глухом лесу Демона-Крикуна (по нашей классификации – тип «Inferno», то есть «нечистая сила», номер в каталоге I-529) и он, как выражаются суеверные жители Меркуриума, вас «заколдовал», сиречь на время лишил возможности двигаться, знайте: никакой магии в этом нет, сплошные биотехнологии.

Кое-кто обвиняет Университет в безнравственности: как можно заниматься разведением и воспроизводством тварей, единственной целью жизни которых является убийство и охота за человеком?! Отвечу так: во-первых, применять к науке слово «мораль» некорректно. Ядерная физика подарила человечеству неисчерпаемый источник энергии, но и позволила создать атомную бомбу. Это морально или аморально? Правильно: обвинять надо не науку, а человека, использую-

щего ее плоды!

Во-вторых, Университет занимался проектом «Легенда» не ради собственного удовольствия: мы лишь выполняли заказ меркурианцев. Вам хочется заполучить живого огнедышащего змея с крыльями и четырьмя лапами, который мог бы охранять сокровища в пещере? Отлично: отдел биоскульптуры берется за работу, готовый образец РНК программируется на выполнение сугубо «драконьих» функций, ему задается строго определенная схема поведения, экземпляр можно отправлять заказчику. И таковому заказчику следует винить только себя, если дракон испепелил неудачливого рыцарюгу или пообедал любимой лошадью какого-нибудь провинциального графа!

Ребята, это *дракон*, а не домашняя кошка! Он должен выглядеть как дракон и вести себя как дракон! В конце концов, таково было ваше желание – жрите-с! Мы лишь воплотили в материю плод вашей больной фантазии!

Остается добавить, что к сегодняшнему дню искусственная биосфера Меркуриума насчитывает тысячу двести сорок два зарегистрированных вида созданных нами зверюг, из них девятьсот семьдесят обладают способностью к размножению.

К сожалению, есть твари и «незарегистрированные», но подробно об этом мы поговорим несколько позже – данная тема слишком обширна и пока, увы, малопонятна даже мне, сотруднику Университета с неплохим стажем...

Заканчивая краткий экскурс в историю Меркуриума, остается добавить, что невзирая на немыслимую архаичность, неофеодализм, искусственную деградацию сознания, психологии и социума, оставляя в арьергарде дремучий средневековый менталитет, на планете выстроилась вполне жизнеспособная субцивилизация – если считать за макроцивилизацию все «новое человечество», расселенное теперь по великому множеству миров Млечного Пути и соседних галактик.

Кстати, с родственниками, оставшимися после Катастрофы на Сириус-Центре и нутужно колонизирующими ближайшие звездные системы, мы не общаемся – «обычные люди», не подвергшиеся генетической перестройке после применения «Бича Божьего», нам неинтересны. Пускай живут как хотят и как умеют.

...На Меркуриуме плотно заселен только один материк, называемый Скандзой. Девять королевств, двадцать шесть небольших графств-герцогств-княжеств, вроде бы независимых от основных держав, но тесно связанных с ними экономическими нитями и обязательными в неофеодальном обществе династическими браками между представителями правящих дворянских родов.

Жизнь бурлит, у нас все так же, как у других людей: политика, интриги, войны – последних, кстати, значительно больше, чем в других мирах, таковы особенности архаичного менталитета. Для любителей романтики и сказки эта пла-

нета является самым подходящим местом – если хотите получить максимум приключений на свою задницу, приезжайте на Меркуриум! Сказок вы получите в полном объеме – в основном страшных.

Ибо в последнее время у нас творится сушая чертовщина, понять исходные причины которой я пока не в силах. Но кое-что мне известно точно: проект «Легенда», прежде такой привлекательный, тщательно разработанный и лелеемый Университетом на протяжении столетий, дал трещину.

Искусственная биосфера неожиданно взбунтовалась – мы, наблюдатели, постепенно теряем контроль над собственными творениями и пока не способны противодействовать медленно расползающейся угрозе.

* * *

Челнок приземлился на берегу реки в двух километрах от города, я миновал каменный мост через полноводную Рима-ву, прошел через Королевские ворота, сопровождаемый озадаченными взглядами стражи и присматривавшего за событиями чиновника из ведомства княжьего охранителя, пана Озимека, руководившего местной тайной полицией.

Еще бы! Во-первых, все до единого сотрудники Университета находятся под надзором – «алхимикам», прибывшим

с другой планеты, не особо доверяют, мы спокон веку были на подозрении. Во-вторых, выглядел я ужасно: варвар варваром, настоящий готиец в некрашеной холстине и звериных шкурах! Ничего не попишешь, в Готии меня должны были принимать за своего, там не носят богатых и ярких одежд, как в цивилизованной Моравии!

Кроме того, пана Озимека и его головорезов должно было насторожить мое исчезновение: господин вице-советник короны (это мой официальный титул в здешней государственно-бюрократической иерархии) бесследно сгинул незнамо куда на целых три недели! По большому счету мы не обязаны давать отчет моравским, да и любым другим властям о своих действиях, но обстановка в стране, особенно в предгорьях Танвальдского хребта, медленно ухудшается, а виноватыми втихую полагают алхимиков – странных чужаков, занимающихся странными делами...

«Алхимическая лаборатория», она же региональный центр наблюдения Университета по Верхней Моравии и наш главный офис на планете, располагалась прямым ходом в княжьем замке – в башне, нависающей над обрывом. На первом этаже для меркурианцев устроен шикарный аттракцион: кипящие колбы, сосуды с разноцветными жидкостями, тьма-тьмущая «волшебных» амулетов и непременно чучело крокодила под потолком. На крыше – небольшая обсерватория.

По основной легенде алхимики на Меркуриуме занимаются высокой наукой, изучением демонических тварей и

фармакологией – в отличие от благородных, клоны-простецы подвержены болезням, случаются эпидемии. Словом, мы не только надзираем за «Легендой» из доступного лишь граульфианцам убежища в подвале башни, но и приносим ощутимую практическую пользу – здешняя медицина находится на уровне чуть выше пещерного.

В башне обнаружился лишь Гинек, мой слуга из простецов, присматривавший за домом и занимавшийся хозяйством. Удивления неожиданным явлением хозяина не выказал, по крайней мере внешне – для простеца у него слишком высокий *IQ*, целых 94 единицы. Огладил ладонью вислые усы, спросил, не желает ли пан Николай покушать с дороги.

Пан ответил, что желает немедленно умыться и лечь спать, поскольку устал как последняя собака. Во дворе Гинек вылил на меня несколько ведер воды, выдал чистую одежду и проводил наверх, в жилые комнаты. Никаких новостей не сообщил, он вообще неразговорчивый. Сказал только, что пан Щепан чем-то очень недоволен – два дня уже ярится!

Сейчас на ярость возлюбленного начальства мне было решительно плевать. Уверяют, будто люди благородные мало утомляются и меньше обычных людей нуждаются в сне – это в значительной мере верно, но после путешествия в Готию чувствовал себя ахово, требовалось немедленно отдохнуть.

– ...А ну подъем, бездельник! – гроыхнуло над моим ухом. Из-за полуприкрытых ставен в спальню лился солнечный свет. Выходит, я поспал всего два-три часа? – Не ози-

райся так, скоро полдень будут бить! Дрыхнешь со вчерашнего дня!

– Доброе утро, пан Щепан. – Я протер глаза кулаками и громко, словно дворовый пес, зевнул. – Рад вас видеть...

– А уж я-то как рад, не пересказать. – Официальный представитель Университета на Меркуриуме и куратор всех центров наблюдения уселся на лавку напротив, протянул руку, взял со стола кувшинчик с квасом, принесенный заботливым Гинеком, отпил. Поставил на место. Строго воззрился на меня крупными карими глазами. – Уволить тебя, что ли?

– За что?!

– За нерадение. И за пренебрежение прямыми служебными обязанностями. Ты хоть представляешь, что у нас происходит? Где ты шлялся двадцать дней? Просил же, не исчезай надолго! Каждая пара рук теперь на счету!

– Да что стряслось-то? – взмолился я. – Вы разговаривали с Вильрихом фон Зоттау и Эльзбет из Лоденице?

– Одевайся быстрее, – буркнул пан Щепан. – И топай вниз. Такое покажу, закачаешься! Объяснять причины своего отсутствия будешь потом... Завтрак тоже потом, сначала дела!

Час от часу не легче. Будто мало невероятных событий в Готии, после которых мои воззрения о мироустройстве и логике придется кардинально пересматривать!

Проникнуть в настоящую лабораторию человеку постороннему невозможно: сканер определяет уникальный фон биоизлучения, присущий только имеющим допуск в центр,

отодвигается замаскированная под каменную кладку бронедверь, вскрыть которую невозможно никаким лазером, сразу за дверью – узкая винтовая лестница.

Техника внизу исключительно граульфианская – никакого презренного «железа» или кремния, одни биотехнологии. Зато мы энергетически независимы, электричество вырабатывается органикой, а электромагнитный фон не превышает природный: засечь лабораторию средствами наблюдения и детекторами практически невозможно. Скрытность – наш главный лозунг.

Пан Щепан идентифицировался, активировал систему мониторинга искусственной биосферы. На громадном, во всю стену, биолюминесцентном «фасеточном» мониторе возникли контуры материка, цветная диаграмма и множество точек, отмечающих, где находятся наши любимые питомцы и их группы. Особых изменений по сравнению с состоянием трехнедельной давности я не отметил, разве что несколько красных пятнышек, обозначающих существ класса «Inferno», сместились южнее линии ареала обитания – что ж, это предсказуемо...

Однако пан Щепан хотел показать мне нечто совсем другое. Он запросил картинку с наших спутников наблюдения и с автоматической станции, находящейся на одной из лун, вращавшихся вокруг планеты. Компьютер увеличил изображение, и господин начальник эпическим жестом указал на экран:

– Что это такое, по-твоему?

– Это? – Я едва не поперхнулся воздухом. – Господи Иисусе, откуда они здесь?

В вакууме над Меркуриумом, выстроившись неровным клином, плыли три вытянутых синевато-серебристых космических корабля. Их силуэт мне был отлично знаком: боевые фрегаты класса «Гепард», произведены на Юноне-II – нашем главном техногенном центре, юнионская субцивилизация как раз предпочитает работать с «железом».

Тут надо сделать небольшое отступление и объяснить, что «Миров Конвенции» – то есть планет с населением более миллиона человек – у нас три тысячи сто шестьдесят два. За неполную тысячу лет, прошедшую после Катастрофы на Земле, homo novus расселились очень широко. В один прекрасный день люди поняли, что следовало бы учредить некое подобие конфедерации и в случае необходимости оказывать друг другу содействие: Вселенная – место опасное, а после того, как мы узнали о существовании настоящих чужаков, чужого нечеловеческого разума, пришлось принять некоторые оборонительные меры.

Общая Конвенция – это свод обязательных правил, которые обязаны соблюдать все субцивилизации. Она регламентирует межзвездную торговлю и обмен товарами, уточняет правила пользования Металабиринтом, вводит единое для всех сообществ уголовное право и подтверждает взаимные обязательства по ведению обороны в случае возникновения

чрезвычайных ситуаций.

Настоящего единого правительства у Миров Конвенции нет, да и быть не может – мы люди свободные и не терпим, когда ущемляют независимость субцивилизаций. Однако «конфликтная комиссия», координационный комитет, призванный разрешать возможные споры и наблюдать за исполнением Конвенции, существует: любой планете достаточно отправить запрос, и комитет окажет надлежащую помощь. Не исключая военную.

Большой военный флот содержат только два мира – Норик-VII и Рас Альгети, более известный как Альфа Геркулеса. Им боевые корабли необходимы, эти две субцивилизации ведут дальнюю разведку в поисках полезных ископаемых и просто из чистого любопытства традиционным способом, с помощью флота.

Лет триста пятьдесят назад ребята с Норика очень серьезно нарвались – встретились в Скоплении Лебедя с неизвестными прежде и донельзя агрессивными «зелеными человечками», понесли немалые потери и после этого печального инцидента заказали на Юноне два ударных авианосца и эскадры поддержки.

Общая численность флотов, способных в случае войны встать на защиту Миров Конвенции, невелика – сто шестьдесят боевых единиц, не считая истребителей. На первый взгляд немного, почти в четыре раза меньше, чем на Земле – а ведь в те времена люди постоянно обитали только в Сол-

нечной системе, на Сириусе и Вольф-360! Но лишь четверти объединенного флота Норика и Рас Альгети хватит, чтобы уничтожить из космоса любую планету, включая газовые гиганты, и взорвать звезду класса G.

Три фрегата, находившиеся на геостационарной орбите Меркуриума, представляли собой очень грозную силу: если поступит приказ, они за несколько минут превратят наш материк в дымящуюся пустыню. Поэтому вопрос «что они тут делают?» оказался более чем насущным.

– Корабли прибыли в нашу систему в автоматическом режиме, без экипажей, – сообщил пан Щепан. – «Гепардов» выделило для патрулирования и мониторинга ситуации на Меркуриуме правительство Норика-VII. Запрос в контрольный комитет Конвенции был отправлен деканатом Университета Граульфа с согласия Совета Первого Поколения. Как раз после моего доклада о недавних событиях.

– Они все с ума посходили? – ахнул я. – Зачем? Это ведь то же самое, что охотиться за кроликами с помощью ядерного оружия! Чем могут помочь тяжелые военные корабли?

– Дослушай до конца, – угрюмо сказал Щепан. – Это еще далеко не все новости. Они ввели термин «зараженная зона», а нас переквалифицировали в «наблюдателей» без каких либо прав управления «Легендой».

– Что?? – Я был потрясен. – То есть как? В каком смысле?

– В прямом. Пока ты развлекался в Готии, с Граульфа сюда прибыли несколько специалистов из высшего руковод-

ства. Компьютеры всех центров наблюдения перепрограммированы, информация теперь напрямую поступает в Университет по каналу Планка.

– Да быть не может! Сигнал по универсальной линии Планка блокируется искусственными сферами сингулярности, установленными Университетом в этой звездной системе!

– В связи с «особой ситуацией» сферы сингулярности деактивированы, но приемопередающие устройства опять же управляются только деканатом, мы ими пользоваться не можем. Равно как и контролировать численность живых существ...

Прекрасно. Просто замечательно! Раньше сотрудники центров могли убить или парализовать любую особь, передав соответствующий сигнал бионаноконтроллерам, вживленным в каждый искусственный организм!

– Слушай дальше. В Университете легкая паника – я доставил на Граульф некоторые образцы тканей «новых существ», наподобие той твари, которую анатомировала твоя подруга Эльзбет. Кроме того, Совет Первого Поколения пожаловался на нас – мол, господа алхимики видят, что проект «Легенда» становится неуправляемым, и ничего не предпринимают. Поэтому большое начальство решило взять управление в свои руки. До времени, пока обстановка не нормализуется.

– Нормализуется?! – заорал я. – Идиоты! Мы практи-

ки, мы видим все собственными глазами, работаем с особями, знаем особенности планеты! Что способна сделать кучка университетских теоретиков? Как они смогут воздействовать на «новых существ»?

– ...Поэтому-то сюда прислали фрегаты. В случае чего они проведут принудительную стерилизацию отдельных районов.

– Господи... – Я откинулся на спинку кресла и смахнул ладонью пот со лба. – Теперь это называется принудительной стерилизацией? Плазмой с орбиты? Когерентными пучками? Водородными бомбами? Пропал Меркуриум!

– Не накличь, – огрызнулся пан Щепан. – Фрегаты находятся здесь на всякий случай. Если вдруг станет совсем плохо. Университет не пойдет на крайние меры. По крайней мере – пока.

– А нам-то что теперь делать?

– Ничего. – Щепан неуверенно пожал плечами. – Ждать, когда на Граульфе разберутся и вернут нам полномочия.

– Думаете, разберутся?

– Не знаю. Должны. Деканат создал особый отдел, который будет заниматься исключительно проблемой мутаций стандартных особей, искать причину... Расскажи лучше, как ты жил у варваров целых три недели? И что делал?

– Искал упомянутую причину, – буркнул я. – И знакомился с незванным гостем.

– Ты его все-таки нашел?

– Разумеется. В общем, слушайте – история донельзя странная, я бы даже сказал невероятная...

* * *

Итак, ситуацию мы теперь не контролируем. Скверно. Больше всего мне не понравилось то, что университетские бонзы пошли на поводу у Совета Первого Поколения – своеобразного теневого правительства планеты, о котором почти ничего не известно – эта организация настолько засекречена, что большинство населения Меркуриума даже не подозревает о ее существовании.

Пан Щепан, ранее являвшийся консультантом Совета, вкратце объяснил мне, будто в него входят представители старейших семей, тех, что первыми пришли на Меркуриум и затем начали немыслимую Большую Игру – это по их инициативе был разработан план искусственной деградации общества, именно они инициировали проект «Легенда» во всем его многообразии.

Надо отметить, что «Легенда» – это не только и не столько эксперимент над биосферой: человека цивилизованного банальным чудовищем не напугаешь, ему будет достаточно воспользоваться плазменным пистолетом, чтобы устранить со своего пути зубастого уродца. Именно поэтому Совет на-

меренно и старательно, на протяжении долгих столетий, загонял меркурианскую субцивилизацию в средневековые самые изощренными способами.

Учитывалось всё: создание новых языков и наречий по древним земным образцам, церковь, воспроизведение простецов-клонов, которые обслуживали расу господ и составляли почти восемьдесят процентов населения планеты, полный запрет на высокие технологии, неучастие Меркуриума в межпланетных организациях и союзах, тотальная самоизоляция, контроль над культурой и так почти до бесконечности.

Именно Совет Первых контактировал с Университетом, по их рекомендациям мы создавали «сказочных» животных, они принимали или отвергали наши собственные разработки, и это при том, что персональный состав Совета никогда не раскрывался: его предводители общались с нами только посредством интерактивных средств связи. Я иногда думал, что Совет – это лишь фикция, некий призрак, фантом, пугало, которым страшат незадачливых инопланетян вроде нас.

Но кто тогда действительно руководит этим миром? Владетельные особы наподобие милейшего князя Якуба, держащего престол в Дольни-Краловице? Король Остмарка Оттон или ярлы Готии? Да ничего подобного – эти люди как раз полностью уверены, что искусственная сказка, Большая Игра, является реальностью. Их менталитет полностью соответствует правилам этой жутковатой Игры.

Совет, поставивший главной целью почти абсолютную изоляцию Меркуриума от других человеческих сообществ, алхимиков-наблюдателей недолюбливал, но и обойтись без консультантов Университета, постоянно работающих на планете, не мог. Запретов было множество – подписка о неразглашении, режим тотальной секретности, ограничения в передвижениях по Лабиринту сингулярности. Все это можно было бы перетерпеть, тем более что для нас на первом месте стояла интересная работа: грандиозный и невиданный никогда прежде глобальный эксперимент.

Но если теперь Совет вмешался в наши дела и заставил деканат пойти на уступки – быть беде. Эти люди не просто консервативны, они опасные ретрограды, которые не могут допустить, чтобы дело всей их жизни рухнуло. Совет не остановится перед любыми жертвами, лишь бы правда не всплыла – шоу должно продолжаться...

Для меня шоу продолжилось непосредственно на рабочем месте вице-советника высокой короны – я уже упоминал в одном из прежних рассказов о том, что формально являюсь прожженным бюрократом на службе князя Якуба. «Особая управа» занимается проблемами «магии» и «колдовства» – то есть лицензированием подобной деятельности, доступной только благородным: если человек желает использовать сверхвозможности своего организма, мы не должны чинить ему препон, но наоборот – помогать.

Простецы тоже приходят к нам со своими трудностями,

в основном затем, чтобы пожаловаться на распоясавшуюся нечисть или попросить лекарства – алхимики обязаны при-
сматривать за здоровьем клонов, все-таки их создание и вос-
произведение также находится в ведении Университета.

– До вас, пан Николай. – Гинек вошел в мой «рабочий ка-
бинет» на втором этаже башни. – Нижайше просят принять.

– Кто просит?

– Эти... Деревенские. Из Бороградека. Приехали поутру.

– Что нужно? – вздохнул я. Не иначе, очередное сообще-
ние о чудовище, сожравшем десяток-другой простецов. Бо-
роградек расположен ближе к Танвальдским горам, обста-
новка там очень беспокойная.

– Баба заболела. Ничего не помогает, решили к господам
алхимикам ехать.

– Решили? Сколько их?

– Так трое. Баба с мужем и знахарь тамошний.

Интересно. Чем так припекло трудовых пейзан, что они
решились отправиться в большой город, расположенный в
полусотне миль от Бороградека – небольшого дворянского
владения на северо-западе? Только бы не какая-нибудь ма-
лоизвестная инфекция, заразных болезней нам для полного
счастья не хватало!

– Проси.

Гинек привел смущенных простецов – их наверняка по-
трясла грандиозность княжьего замка и громкий титул моей
незадачливой милости. Да и оделся я сегодня как полагает-

ся: синий колет с шитьем серебряной нитью, берет с пером, кинжал на поясе.

Все трое неловко поклонились, мужчины сдернули шапки. Женщина-простица тихонько охнула и схватилась за поясницу.

Живописные деревенщины, ничего не скажешь. Все трое принадлежат к этническому типу «Галлика-I» – высокие, смуглые, с темными волосами и карим глазом. Знахарь начинает сидеть, семейная пара значительно моложе, лет эдак под тридцать. У мужа наироскошнейшая угольная борода, усы заплетены в косицы. Одеты небогато, но аккуратно, медные украшения. Значит дворянин о своих простецах заботится и живут они не нуждаясь.

– Ваша милость. – Знахарь оказался самым смелым. На всякий случай отбил еще один поклон. – Беда, ваша милость.

– Что произошло? Рассказывайте. – Я мимоходом рассматривал женщину. Сыпи вроде нет, чуть бледновата, что еще ни о чем не говорит. Брюхо как при голодной водянке, но это явно не последствия голода. По большому счету в медицине я не слишком хорошо разбираюсь, специалистом является наш сотрудник пан Михаловец, который сегодня будто назло уехал в Бельню.

Знахарь, запинаясь и конфузясь перед вельможным паном, начал объяснять. Мол, раньше такой хвори никогда не видел. Баба начала пухнуть. И не просто пухнуть – внутри у нее будто завелся кто-то. Кто – лучше не говорить, даже

среди ясного дня. Вот он, знахарь, и боится, всякое ведь бывает, вдруг нечисть?..

Тут я обеспокоился всерьез. Кое-какие особо неприятные зверюги, числящиеся в университетском реестре, действительно способны инфицировать своим эмбрионом другое живое существо – правда, только зверя, на человека они напасть не могут, до такого изысканного садизма проектировщики из отдела биоскульптуры еще не доросли. Однако при нынешней сложной обстановке всякое может случиться, надо обязательно проверить!

– Давно это началось?

– Полгода уже, ваша вельможная милость...

– Зачем так долго ждали?

– Не осмеливались утруждать, ваша вельможная милость...

Мужиков я выгнал, опухшую простицу уложил на застеленную волчьими шкурами лавку. Она шепотом спросила, надо ли задирать юбку, чтобы показать живот, и покраснела как рак.

– Не надо, – поморщился я. От деревенской бабы и без этого исходил букет немыслимых ароматов. – Скажи, на тебя никакой зверь раньше не нападал? С нечистой силой не встречалась?

– Как можно, ваша милость, у нас в Бороградеке тихо, не то что в горах, – едва слышно ответила моя неожиданная пациентка.

В подобных случаях я традиционно использую хитрую аппаратуру, произведенную на Граульфе. Берется серебряный амулет, в котором скрыт целый комплекс сканеров и резонаторов, плюс крошечный томограф, плюс анализатор биоэнергетического фона. Полная информация об исследуемом живом объекте выдается на монитор, вмонтированный во внутреннюю сторону деревянной обложки фолианта, лежащего на моем столе.

Я положил амулет на круглое тугое брюхо больной, активировал нанотехнические устройства, подождал две минуты и, после того как серебристый кругляш моргнул алым огоньком, проверил результат.

– Гинек! – Я завопил так, что перепугавшаяся простица шарахнулась в сторону и едва не навернулась с лавки. – Гинек, мать твою!

– Что угодно? – Невозмутимый слуга возник в дверном проеме.

– Пана Щепана сюда! Бегом! Бегом, я сказал!

Гинек мигом исчез, понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Я дрожащими руками схватил с полки еще один прибор, замаскированный под фибулу с иглой-застежкой, заставил бабу протянуть руку, уколол ей указательный палец до крови. Устрашившаяся простица жалобно моргала.

Для анализа хватило нескольких секунд. Результат аналогичен.

– Что опять? – В кабинет быстрым шагом вошел пан Ще-

пан. За его плечом маячил встревоженный Гинец.

Я молча указал на небольшой светящийся экранчик. Благовоспитанный и обычно флегматичный Щепан крикнул, пробормотал под нос несколько ярких русских словечек с биологической семантикой (я когда-то научил), провел обе процедуры заново, еще больше перепугав нашу гостью из Бороградака.

– Звиздец, – констатировал факт пан Щепан. Рухнул в мое кресло. Заговорил на непонятной для клонов латыни: – Так... Николай! Эту – в изолятор при лаборатории. Сопровождающим сказать, что придется лечить... Нет, мужа тоже забрать, не ветром же ей надуло?! Я хочу знать о них всё! Полное обследование, до последней молекулы, на внутриклеточном уровне! Знахаря поселить вместе с простецами, живущими в замке, глаз с него не спускать! Запросить статистику из... Где... Кхм... Где производили данную конкретную партию клонов?

– Судя по этническому типу – зона отчуждения «Запад-I».

– Займись немедленно. Известно, откуда они?

– Бороградек, частное землевладение.

– Отлично. Как только получим подробные данные, поедешь туда, осмотришься – мало ли?! Пока никому ни слова, ни намек! Если выяснится, что это не единичный случай, а система, Совет Первых распнет нас вниз головой на воротах замка!

– Система? – поникнув, вякнул я. – Этого не может быть,

поскольку не может быть никогда!

– Ты сам веришь в то, что говоришь?

– Теперь – не верю.

– Вот и не болтай лишнего. Руки в ноги – и за работу!

Щепан бомбой вылетел на лестницу и шумно протопал вниз, в лабораторию.

Отлично его понимаю.

Простица была *беременна*.

Первый в истории прецедент беременности у по определению стерильных клонов Меркуриума – коррективно-разумных рабочих единиц, которых благородные и за людей-то никогда не считали.

Приехали.

* * *

Клоны – феномен исключительно меркурианский.

Нигде и никогда прежде не создавалась самая настоящая искусственная цивилизация на генетической основе *homo sapiens*, да и сами термины «контролируемая разумность», «корректированная разумность» или «ограниченная разумность» используются только в документации Университета. Все эти документы совершенно секретны, доступ к ним имеют только те, кто работает над «Легендой» или непосред-

ственно на Меркуриуме.

Ничего удивительного, если об этой истории узнают в мирах Конвенции, поднимется грандиознейший скандал и репутация Граульфа рухнет навсегда. Это ж надо было додуматься – создать еще одну человеческую расу, предназначенную исключительно для «хозяйственных» нужд!

В первые два столетия формирования субцивилизации Меркуриума предполагалось, что развитие сообщества пойдет по вполне традиционному пути, однако людей здесь было слишком мало, «Первое Поколение» насчитывало не более двадцати-тридцати тысяч человек, приходилось думать о хлебе насущном – выходцы с цивилизованной Земли не привыкли жить натуральным хозяйством.

Кто именно подсказал кажущийся вполне разумным выход, неизвестно, но это был первый решительный поворот в сторону будущего феодального устройства: тяжелой и грязной работой пускай занимаются андроиды!

Сказано – сделано. В те времена благородные вовсю путешествовали меж мирами, первый автоматический комплекс для производства искусственных людей был заказан на Юноне, где очень быстро восстановили технологические цепочки по образцу Земли – так появилась первая «зона отчуждения», существование которой, впрочем, тогда никто не пытался скрывать.

Быстро выяснилось, что с экономической точки зрения использовать андроидов невыгодно – слишком длителен

процесс изготовления, требующий редких и дорогих ресурсов; биотехнические организмы с электронным искусственным разумом никак не могут заменить обычных людей. Появилась новая светлая идея – обратиться за помощью на Граульф, где занимались «чистой» биологией, безо всякой механики.

Если меркурианцам требуется прислуга, наилучшим выходом будет клонирование – такой вариант напрашивался сам собой. Осуществление проекта заняло около тридцати лет и породило к жизни упомянутую «корректированную разумность» – впервые в истории человечества, что прежнего, что нынешнего, появилось абсолютно новое сообщество живых существ на человеческой же основе.

Для клонирования использовались неизменные клетки со стандартным набором в сорок шесть хромосом. Разумность «корректировали» РНК-ингибиторами, имплантировавшимися эмбриону – клон мог жить и действовать подобно обычным людям эпохи до Катастрофы, однако нейропрограммирование гарантировало полное подчинение хозяевам и направляло на выполнение определенных функций.

В те времена никто не рассчитывал, что вместо десятка-другого тысяч клонированных слуг в итоге получится искусственная цивилизация. Лавину сдвинула программа «Легенда» – Большой Игрой она была только для переселенцев с Земли и их детей, внуки начали сживаться с реальностью, а правнуки накрепко усвоили – это жизнь, а не сказка.

Численность благородных увеличивалась; кроме того, «человек новый» обладал невиданным по прежним временам долголетием – совершенный организм дает нам возможность жить веками или даже тысячелетиями. На моей памяти не было ни единого случая смерти благородного по естественным причинам, от старости или болезней, а что с нами будет дальше – покажет время, причем явно не ближайшее.

Чем больше дворян – тем больше требуется простецов. В итоге на континенте появились семь технозон, или, как их называют местные, «Семь Крепостей» – шесть из них представляют из себя автоматическое производство клонов, и одна создает андроидов, от услуг которых полностью не отказались: именно андроиды распределяют младенцев между клонами – обычно искусственные люди выступают под маской монахов или священников, так удобнее, да и простецы будут непременно прислушиваться к пользующемуся авторитетом святому брату: религиозность им тоже предварительно вбили через РНК-перевод.

Были разработаны отдельные подвиды клонов, этнические типы – специально для разных климатических поясов, где нагрузка на организм выше стандартной. Цикличность воспроизводства клонов составляет девять лет, они появляются на свет в нанотанках технологических зон, а потом развозятся по регионам, где возникает демографический спад, вызванный естественными или искусственными причинами.

Никаких аистов или капусты, таинство «рождения» но-

вых рабочих особей было отдано на откуп меркурианской Церкви, решавшей, кому из проститц доверить дитя. Появление в семье простецов «дарованного» ребенка активизирует у женщины-клона соответствующие инстинкты и лактацию, затем дело идет накатанным путем – кормление, воспитание, взросление. А заниматься любовью клоны могут просто ради удовольствия – их анатомия ничем не отличается от обычной, за некоторыми незначительными изменениями.

Разумеется, клоны изначально стерильны, строжайший контроль за демографией осуществляли Совет Первых и мы, наблюдатели с Граульфа. Надо непременно отметить, что «ограниченная разумность» клона вовсе не означает тупости: как всякие разумные существа, простецы осознают свое бытие, способны делать логические выводы, испытывают эмоции, общаются, они вполне обучаемы и способны освоить практически любое ремесло, письмо и чтение.

Корректировка психики ведется по следующим направлениям: управляемость со стороны благородных, подавление агрессивности (кроме этнического типа «Норд», – в Арктике иначе не выживешь), некоторых изначально РНК-программируют – клоны чувствуют призвание к сельскому хозяйству или, например, к охоте. Из выращиваемых в одном нанотанке четырех мужских и трех женских клонов каждому дается своя специализация, навыки, заложенные на генетическом уровне.

Почему они все разные и не похожи друг на друга, как

и полагается клонированным существам с общим набором генов? И это предусмотрено проектом «Легенда» – думаете, благородным было бы интересно жить в мире, населенном совершенно одинаковыми простецами? На самой ранней стадии развития эмбриона вносятся крошечные изменения – случайная выборка, правда, с сохранением основных признаков исходного этнического типа. Отсюда различный рост, цвет глаз и волос, разные телосложение и лица.

Этнотипы, обитающие на севере, сильнее и выносливее, предназначенные для тропических и экваториальных районов материка лучше переносят жару и более смуглые. Словом, Университет можно только похвалить за проделанную работу: грандиозный проект, в котором продумано всё, учтены любые, самые мельчайшие детали. Плод работы, занявшей столетия!

И вот такие нехорошие факты.

Дожили – простица забеременела! Да я скорее во Второе Пришествие поверю!

Вообще-то странности, происходящие с простецами, отмечались и раньше. В начале нынешнего лета появились мутные и непроверенные сведения о «диких простецах» в Готии, что тоже казалось фантазией и чепухой. По крайней мере до времени, пока мои дружки из Стражи Крепостей – весьма своеобразной гильдии, занимающейся профессиональным истреблением чудовищ, – не познакомили меня с таким вот дикарем, проявившим неслыханную инициативу

и ушедшим от хозяина. Од (так его звали) прибился к Стражам и психологически ничуть не отличался от благородных – по крайней мере, он был полностью самостоятелен в решениях и относился к дворянам без обязательного врожденного пиетета.

Я тогда подумал, что это редкая аномалия, технологический брак в производстве – всякое случается... Но за время путешествия по Готии выяснилось, что диких простецов становится все больше, они начали сбиваться в ватаги и строить собственные поселения. Явление это не было массовым и наблюдалось только в Готии, но все равно давало повод к размышлениям. На фоне взбунтовавшейся нестандартной фауны дикие простецы выглядели вполне безобидно – у нас просто не было сейчас времени разбираться с новым феноменом. Наверное, сбой РНК-программ.

По большому счету, пускай хоть все готийские клоны одичают, страна варварская, отдаленная, серьезной роли в глобальной политике Меркуриума никогда не играла (за исключением знаменитого мятежа Риттера фон Визмара, о котором будет отдельный разговор). Но когда становится известно, что простица – я дико извиняюсь! – банально залетела, это уже перебор! И вовсе никакая не банальность, а ЧП планетарного масштаба.

Пан Щепан не зря строжайше приказал – «никому ни слова». Иначе последствия окажутся непредсказуемыми – для начала Совет Первых сотрет алхимиков в порошок, запеча-

тает его в вакуумную упаковку и отошлет на Граульф. А уж что нам скажут в деканате, я и представить боюсь.

* * *

Пять часов спустя между мною и паном Щепаном состоялся следующий разговор.

– И что теперь делать, Николай? Уничтожить особей?

– У вас рука-то поднимется? Живые люди все-таки! Давайте относиться к ним как к людям, а не как к «особям»!

– Ты понимаешь, что произошло? Это же катастрофа! А если случай не единичный? Если в ближайшие месяцы полмиллиарда простиц на пространстве от побережья до побережья континента родит нам по младенчику?

– Нам? Нет, благодарствуйте. Конечно, перспектива видится мне жутковатой – демографическая ситуация на планете кардинально изменится. Принудительной РНК-коррекции у детей, появляющихся на свет естественным путем, не будет, а это значит одно: потомство клонов окажется обычными *homo sapiens*, неуправляемыми и неконтролируемыми. Допустим, зачать смогла одна женщина на тысячу... По статистике технозон, женских клонов репродуктивного возраста на планете сейчас не полмиллиарда, а двести или двести десять миллионов, получается два миллиона детишек в бли-

жайшей перспективе...

– Какой еще «репродуктивный возраст»? – взмолился пан Щепан. – Ты спятил?

– Самый обыкновенный. От четырнадцати до сорока лет, по моим весьма грубым прикидкам. Сразу вычитаем миллион – младенческая смертность, неудачная беременность, осложнения при родах. В результате нам придется иметь дело всего с...

– Хватит! – Щепан громыхнул кулаком по столу. Кружки подпрыгнули. – Не смешно! Лучше подумай, каким образом организм клона смог произвести жизнеспособную яйцеклетку!

– Ничего особенно сложного. – Я пожал плечами. – Анатомически простица ничем не отличается от обычных женщин, аппарат размножения в наличии, но только он не действует. У мужчин то же самое. Однако анализы спермы законного супруга нашей гостьи доказали: небольшая часть сперматозоидов... кхм... активна и способна к оплодотворению. Версию о непорочном зачатии – сиречь партеногенезе – можно смело отместить. Ответить на вопрос «почему?» я не в состоянии. Наиболее разумным представляется нарушение технологического цикла при производстве клонов. Браккованная партия.

– Придется немедленно проверить всех особей этого этнического типа, – нахмурился Щепан.

– Как вы себе это представляете? Компьютер центра на-

блюдений обработал мой запрос по данной партии, производство велось в 3245 году, общая численность – тридцать пять тысяч, пятнадцать тысяч женщин и двадцать тысяч мужчин соответственно. Расселены в Моравии, Остмарке и на островах Грюнзее. Да мне столетия не хватит, чтобы обследовать всех и каждого!

– Верно, – тяжело вздохнул пан Щепан. – По-моему, мы в очередной раз влипли. Сначала невиданные чудовища, потом эта странная история с наследником Визмара, а теперь еще и размножающиеся простецы. Куда катимся, а?

– В Готии меня уверяли, что к Концу Света. Хотите выслушать мое мнение? Пожалуйста. Любая сложная система, включая нашу «Легенду», подвержена энтропии значительно больше, чем системы простые. «Легенда» саморазрушается, разделяется на отдельные линии развития. Природу перехитрить очень сложно, да что там, практически невозможно! Мы рискнули, создали искусственную вселенную из искусственных существ и возжелали ее «заморозить», сделать статичной и предсказуемой. Эдакая огромная игрушка. Но живой материал предрасположен к эволюции. Эволюцию мы сейчас и наблюдаем – жизнь победила сухую науку, нашла способ обойти наши запреты и пренебречь контролем создателей.

– Думаю, в ближайшие несколько лет мы станем свидетелями захватывающих событий, – поддержал меня Щепан. – Жаль, что в Университете этого не понимают и пытаются

ся всеми силами восстановить управление процессом. Нам остается лишь безучастно наблюдать. Вот что Николай, поезжай-ка ты в Бороградек, загляни в соседние деревни, осмотрись – я убежден, этот прецедент не единственный и вскоре нам придется иметь дело с очень крупными осложнениями...

– Поутру отправлюсь, – кивнул я. – А что делать с сегодняшней простицей? Идею о ликвидации я отвергаю как бесперспективную и неэтичную.

– Ты умеешь принимать роды?

– Нет.

– И я не умею. Временно простецы останутся здесь, понаблюдаем. В крайнем случае переправим на Граульф – пусть там разбираются.

– Опять перекладываем ответственность на других?

– Естественно! Поскольку мы, наблюдатели, сейчас лишены всех прав и привилегий. Отлично, Университет получает возможность принять на себя полную ответственность! А я умываю руки, подобно одному скандально знаменитому прокуратору Иудеи!

* * *

Я традиционно поужинал в кабачке «У Злой Клары» на

улице святого Германа – обрадовал хозяйку своим появлением после долгого перерыва и получил роскошный стол: по моему мнению, Клара являлась гением кулинарии, ей не таверну содержать надо, а трудиться при королевских кухнях! За перепелов в сметане с грибами любой гурман душу продаст, я уж не упоминаю про овощной суп с сырными клецками, яблочные пирожки и восхитительное черное пиво, славящееся на все княжество.

Клара почему-то считает, что в замке его светлости меня злодейски морят голодом, и всегда кормит на убой, попутно излагая городские сплетни, каковых за минувшие три недели накопилось предостаточно. Меня мало увлекали амурные похождения местной богемы и школярское хулиганство – Дольни-Краловице веками славился своими учебными заведениями и, как следствие, буйством вагантов, – я предавался чревоугодию и ожидал, что хозяйка затронет одну из интересующих меня тем.

Я люблю пани Клару Волошкову за полное отсутствие комплексов: не часто встретишь женщину из благородных, решившую содержать кабак и дом свиданий, открыто состоящую в игривых отношениях с простецом и свысока плюющую на условности и традиции неофеодализма. Кроме того, она была для меня чем-то наподобие городского информационного центра: Клара в курсе всех событий, тайн для нее не существует, а сведения всегда проверены. Жаль только, что она чересчур увлекается светской хроникой.

Вдоволь перебив косточки любвеобильных вельможных панов, состоявших при княжьем дворе, и выведя мораль – изменять жене, конечно, нехорошо, но стократ хуже попасться на горячем, – Клара наконец приступила к заключительной части своего повествования, а именно к новостям, поступавшим в последнее время из провинции. Княжество у нас немаленькое, в полтора раза крупнее такой земной страны, как Швейцария, а северная граница проходит по Танвальду, где Университетом отмечены две «зараженные зоны». Значит, и слухи оттуда приходят соответствующие.

– ... Торговцы лесом намеренно рассказывали, – гудела усевшая напротив Клара, попутно наблюдая, как дорогой гость расправляется с перепелами. – В Дальнем Ополе зверье две деревни вырезало, это владения короны, а не дворянская земля. Наместник Градца Опольского осерчал, попросил помощи у Стражи Крепостей и отправил с ними сотню конных егерей... Вернулись девятнадцать, из Стражей вообще никто не выжил. Люди со склонов гор уходят, а говоря прямо – бегут. Твой дружок Вильрих туда уехал, а ведь ждал твоего возвращения полторы седмицы...

Вильрих, как же! Странный принц из Остмарка, доставивший мне много неприятных минут – его высочество, в отличие от большинства дворян, имел свойство думать и замечать то, чего не видели все остальные. Именно Вильрих познакомил меня с пани Эльзбет из Лоденице, увлеченной исследованиями необычных форм жизни, и намекнул, что со-

стоит в некой тайной организации благородных, желающих понять, что именно происходит на планете, и по возможности противостоять нарастающей угрозе.

– Он мне ничего не оставил? – спросил я.

Клара молча кивнула, запустила лапищу в карман передника, извлекла пакет коричневатой плотной бумаги. На восковой печати оттиск перстня принца – герб у него приметный, в верхней половине геральдического щита орел Остмарка, в нижней три копейных наконечника и маленькая семилучевая звездочка.

«Пан Николай! – значилось в эпистоле, набросанной уверенным разборчивым почерком. – Всезнающая госпожа Клара непременно расскажет вам, куда и по какой причине я уехал. Более подробные объяснения вы сможете получить, если заглянете в гости к Эльзбет, приготовившей вам еще несколько дурно пахнущих сюрпризов. Я найду вас немедленно по возвращении.

С почтением – Вильрих фон Зоттау».

– Что там? – поинтересовалась любознательная хозяйка.

– Ничего. – Я поморщился, скомкал бумагу и сунул в прорезь рукава колета. – Значит, его высочество уехал в Ополье?

– Двенадцать дней тому. Станный он какой-то. Вроде бы родом из королевской семьи, а ведет себя словно безземельный нищеброд. Но деньги у него водятся, Вильрих на моих девок не один десяток золотых спустил. Видать, скучал, тебя дожидаясь... Покушал? Еще хочешь? По глазам вижу, что

хочешь!

После скудного рациона Готии я отъелся в таверне Клары на полгода вперед – вкусно! Давно стемнело, на стенах замка зажгли факелы. Пора возвращаться домой, завтра рано вставать и ехать в Бороградек. Попутно загляну и в усадьбу Эльзбет, это по дороге.

Я сердечно распрощался с гостеприимной Klarой, вышел на улицу. Идти до княжеской резиденции десять минут, даже если не спешить. Город засыпает, у нас мало ночных развлечений. Прохожих совсем не видно.

Над моей головой коротко свистнуло, некий предмет выбил искорки из каменной кладки основания замка желтоватые искорки. Тотчас кто-то сбил меня с ног и подмял под себя. Я всегда был парнем крепким, но сопротивляться не было никакой возможности – этот человек значительно сильнее!

– Поднимайтесь, – сказали мне спустя несколько секунд. Взяли за руку, утвердили на ногах. Блеснули лучики масляных ламп с задвижками, скрывающими фитиль. – Не ранен?

Я встряхнул головой, присмотрелся. Передо мной стоял невысокий лысоватый господин в темной одежде. Обликом напоминает бакалейщика. Рядом с ним трое здоровенных верзил, все благородные – это я моментально определил по фону биоизлучения.

– Добрый вечер, пан Озимек, – прохрипел я, опознав лысого. Начальник тайной полиции княжества мелко кивнул.

Протянул мне тяжелую железяку, напоминавшую миниатюрный зонтик.

– Что это такое? – не понял я.

– Это? Это ваша смерть, господин вице-советник, – прохладно сказал Озимек. – Правда, несостоявшаяся. Пока несостоявшаяся, я полагаю. Глядите...

Он протянул руку, один из здоровяков передал Озимеку самый обычный арбалетный болт. Я краем глаза заметил ниже по улице и подле ворот замка неприметные тени – как простецы, так и благородные. Судя по всему, прикрывающие нас сотрудники тайной службы.

Пан Озимек тем временем покрутил в пальцах стальную стрелу длиной в ладонь. Ничего особенного – четырехгранное оконечье, три узкие пластинки оперения. Но как только глава тайной управы легонечко стукнул острием о гранит стены, раздался неприятный звук и наконечник «раскрылся», словно помянутый зонт, выбросив несколько острейших игл-остей.

– Человека благородной крови сложно убить, – невозмутимо сказал Озимек. – Но после попадания такой стрелы в голову ваши мозги, достопочтенный пан вице-советник, пришлось бы собирать в радиусе десятка шагов. Прекрасное изобретение, из Остмарка.

Тут до меня дошло: покушение! Боже, кому и зачем это понадобилось? Меня слегка затошнило.

– Осмелюсь надеяться на скупую благодарность, – молвил

Озимек и чуть улыбнулся. – Мое скромное ведомство призвано оберегать всех подданных короны, но государственных чиновников – особенно. Вас проводят в Башню Алхимиков, охрана останется возле дверей – не обессудьте. А завтра поутру извольте нанести мне визит вежливости. Нам есть о чем поговорить.

– Но... – заикнулся я, однако пан Озимек кивнул своим мордovorотам, они взяли меня в клещи и ненавязчиво повлекли к замку. – Подождите, у меня завтра дела!

– Дела подождут. Иначе я снимаю с себя ответственность за вашу жизнь, пан Николай.

Ничего не скажешь, день выдался примечательный. Меркуриум не перестает удивлять меня своей непредсказуемостью!

* * *

В меркурианских спецслужбах трудятся профессионалы высочайшего класса, тут не возразишь.

В их распоряжении нет навороченной аппаратуры, они полагаются только на свою голову, сообразительность, наблюдательность и логику. Неофеодальное общество не подразумевает наличия прослушивающей техники и видеонаблюдения, радио (да и любой другой) связи, кроме фельдъ-

егерской и голубиной почты, никаких спутников или мазеров, а про канал Планка и говорить нечего. Средневековые в чистом виде. Один плюс: уникальные способности homo novus, но ведь и противники по шпионским играм ими тоже обладают!

Не надо забывать, что политическая структура Меркуриума весьма разнообразна, между государствами идет борьба за территории, ресурсы и новые технологии (не бог весть какие, конечно, однако если твоя страна вырвалась вперед в области более дешевой выплавки металла, значит и рынки сбыта твои! Основные принципы экономики даже Совет Первых не отменит!). Межгосударственная конкуренция существует, и она очень серьезна – тут без рыцарей плаща и кинжала никак не обойдешься.

Есть и особая специфика, присущая только Меркуриуму, – «Легенда» оказывает влияние на все сферы нашей жизни. Опасаться следует не только и не столько людей. Государственный переворот в пользу претендующего на папашин трон наследника для нас редкость, о столь громком событии будут судачить следующие пятьдесят лет, но вот появление вурдалака в дворянской усыпальнице или вампира в ближайшем лесу – дело практически житейское, хотя существа класса «Inferno» обычно расселяются в безлюдных или малонаселенных областях, обозначенных на географических картах красной надписью на латыни: «Nec sunt bestiae», «тут водятся чудовища».

Случается, что чудовища мигрируют – ищут, где посылать. Тогда и начинаются крупные неприятности, с многочисленными жертвами и долгой охотой. Вся тяжесть следствия обычно ложится на тайную полицию, они же и пытаются убить «существ с нестандартными возможностями» – Стража Крепостей или алхимики привлекаются редко, это вопрос корпоративной солидарности. Стражей в ведомстве пана Озимека полагают неотесанными мужланами, способными только мечом махать, а граульфианцы не внушают доверия: алхимики знают куда больше, чем говорят, они скрытны, высокомерны и вообще являются чужаками, непонятно что делающими на Меркуриуме.

К постоянной слежке со стороны волчат Озимека я давно привык – пускай развлекаются, мне это ничуть не мешает. Если необходимо действовать скрытно, я отведу глаза любому соглядатаю, даже из числа благородных. Опыт накоплен изрядный, а кроме того, у меня есть существенное преимущество: полный набор аппаратуры для «полевой» работы, замаскированный под амулеты, холодное оружие или украшения. Понимаю, мои таинственные исчезновения и контакты с необычными людьми (взять хоть принца Вильриха) его тайную милость раздражают – алхимики пану Озимеку непонятны, а все непонятное потенциально опасно! И плевать на то, что люди с Граульфа трудятся на планете уже больше восьмисот лет!

Этой ночью я так и не лег спать – не хотелось, да и пере-

возбуждение давало себя знать. Ну ответьте, кому понадобилось палить в меня из арбалета, да еще и стрелой, гарантированно способной убить благородного! Номо povus могут регенерировать даже после очень тяжелых травм и ранений, но в случае фатального повреждения головного мозга мы умираем так же, как и обычные люди времен до Катастрофы.

За несколько лет жизни на Меркуриуме я, как кажется, не успел нажить врагов – всегда был человеком неконфликтным, да и с кем мне здесь конфликтовать? Поводов к ссорам нет! Вовсе наоборот, князь Якуб мне симпатизирует (это я придумал устроить на вершине башни обсерваторию для развлечения светлейшего, увлеченного астрономией), в местные интрижки никогда не ввязывался, с женами и дочками краловицких дворян романов не крутил, предпочитая развлекаться с простоватыми, но добродушными девками из заведения Злой Клары. Политикой не интересуюсь, подпольным бизнесом не занимаюсь – зачем? Университет обеспечивает свою резидентуру на Меркуриуме в надлежащем объеме, денег у нас в достатке!

Кому я наступил на любимую мозоль, спрашивается?

Или ночная стрельба связана с профессиональной деятельностью? Бред! Правда, Риттер фон Визмар, поднявший мятеж в Готии в 3138 году, весьма интересовался нашей гильдией и даже объявил вознаграждение за каждого алхимика, взятого живым, но это совсем другая история. Впрочем, как сказал мой новый приятель, Зигвальд из Герлица,

герцог Визмар всего лишь «искал встречи» с нами, пускай и столь навязчивым способом...

Перебрал все возможные варианты – кого я мог обидеть? Ничего толкового в голову не приходило – в соответствии с университетскими директивами и режимом секретности нам категорически запрещалось чем-либо привлекать ненужное внимание аборигенов. Мы обязаны вести себя как меркурианцы, говорить на здешних диалектах, одеваться не нарушая традиций. Если в деканате узнают, что ты, к примеру, участвовал в поединке чести пускай даже секундантом – уволят без разговоров и навсегда запретят въезд на Меркуриум! Наблюдатель оттого и называется наблюдателем – мы обязаны быть абсолютно нейтральными и втихомолку заниматься своим делом!

Я нарушил строжайшие предписания дважды: перед недавним путешествием в Готию и во время него. Во-первых, вступил в контакт с Вильрихом фон Зоттау и рассказал ему больше, чем следовало. Во-вторых, скрыл от руководства Университета инцидент с визитом транспорта «Эквивилибрум» в нашу звездную систему – рассказал лишь пану Щепану, но и тот предпочел не докладывать наверх, очень уж необычным оказалось это происшествие, сами разберемся!

Выходит, кто-то узнал об этих событиях? Но тогда меня срочно вызвали бы на Граульф, как следует отчитали и с треском вышвырнули бы из проекта. Не подходит, я работаю в знаменитом Университете, а не на мафиозных боссов

– мелодрама со стрельбой не в нашем стиле! Следовательно, покушение организовали местные, а больше всего возможностей и лучшая агентурная сеть на планете, без сомнений, у Совета Первого Поколения.

Только этого еще не хватало! Нет, чепуха, Совету гораздо проще было бы отправить кляuzu моему начальству, а далее схема проста – отзыв, расследование, увольнение.

Ай, да чего гадать! На рассвете пойду к пану Озимеку, старый лис наверняка что-то раскопал. Недаром его ребятки столь тщательно наблюдали за мной вечером и фактически спасли от смерти!

Надеюсь, вербовать он меня не станет – постесняется. Тем более что Совет Первых строжайше запретил тайным службам всех государств Меркуриума даже пальцем трогать господ алхимиков! Под юрисдикцию туземных властей мы не попадаем, в случае нарушений наказать провинившегося вправе только Университет.

Наказать, а не отправить на тот свет!

* * *

Его милость секретарь канцелярии (приблизительный гражданский аналог полковника в земных армиях) пан Юлиуш Озимек имел резиденцию на Медвежьей улице, в свет-

ло-зеленом двухэтажном доме с легкомысленными лепными ангелочками, растительным узором по фронтому и настоящим стеклом в окнах – роскошь почти царская, а это значит, что финансируется его контора щедро. Никаких вывесок или табличек, здесь это не принято.

Внутри тоже никакого официоза. Сургучом и сапогами, как во всяком присутственном месте, не воняет, мебель подобрана со вкусом, приятные золотистые шторы. Пахнет кофе и горячими сдобными булочками, только что доставленными из соседней пекарни.

От княжьего замка до Медвежьей меня проводила охрана, всю ночь бдевшая под окнами замка. Дворянин и двое простецов этнического типа «Норд-II» – редкие здоровяки даже по суровым северным меркам; видимо, Озимек отбирал их специально. Ничего особенного, клонов частенько принимают на работу в государственные ведомства – на моего Гинека я нахвалиться не могу!

Привратниками в резиденции тоже были простецы, благородный встретил только возле лестницы, ведущей на второй этаж. Пан Анджей Готтов, мы с ним виделись раньше – на приемах у светлейшего и в кабаке Клары.

– Пришли? – Готтов посмотрел на меня с плохо скрываемой недружелюбностью. – Подождите в приемной, я распоряжусь, чтобы принесли кофе.

Кофе так кофе, никаких возражений! Я расположился в кресле, внимательно осмотрелся – раньше в гости к пану

Озимеку хаживать не приходилось. Использовал все доступные мне способности, чтобы «просканировать» дом. Ничего интересного, разве что полтора десятка произведенных у нас на Граульфе нанотехнических оберегов – алхимики продают их меркурианцам за безумные деньги, каждое такое устройство способно предупредить владельца о приближении «нечистой силы» и распознать «магических» существ, сиречь особей нестандартной фауны.

Приемная его милости больше напоминала салон в богатом доме. Книжные шкафы с печатными и рукописными томами, на столе, отведенном угрюмому пану Готтову, несколько газет, доставленных из столицы и Остмарка – печатное дело у нас прекрасно развито, и еженедельные издания в крупных городах не являются чем-то слишком экзотичным. По сравнению с той же Готией мы живем в цивилизованной стране.

Я ждал почти полчаса – это становилось просто невежливым! Озимек или решил меня позлить, или был занят неким исключительно важным делом. Но какие важные дела могут быть у человека в девять утра?

Звякнул колокольчик, пан Готтов молча кивнул на дверь, ведущую в кабинет. Я мысленно выматерился.

– Садитесь, – не здороваясь, сказал господин секретарь канцелярии.

Он и прежде-то выглядел непредставительно, а сейчас встретил меня в темно-зеленом домашнем халате, а не в по-

лагающемся чиновнику высокого ранга мундире. Никогда бы не подумал, что у начальника секретной службы может быть настолько плебейская внешность. Ростом Озимек был ниже меня на дюйм (а я и сам высоким ростом не отличаюсь), залысины, глаза неопределенно-серые, тонкие губы. Выглядит лет эдак на сорок пять, но я-то знаю, что господину начальнику глубоко за двести. Корректировать свой облик он не собирается, пускай это может делать каждый благородный...

– Разговор неофициальный, протоколироваться не будет, – сказал пан Юлиуш. Побарабанил короткими толстыми пальцами по столу. На меня он не смотрел. – Признаться, я впервые позволил себе вызвать одного из алхимиков. Вы не являетесь подданными короны и вообще не меркурианцы. Пользуетесь неприкосновенностью как дипломаты других стран, никому не подотчетны, задерживать и допрашивать вас запрещено. А жаль...

– Почему же? – Я невинно вздернул брови.

– Идемте со мной. – Пан Озимек встал, подошел ко второму выходу из кабинета, отпер дверь ключом. – Не бойтесь, там вас не съедят. Этим мы не занимаемся.

По моим оценкам, пролеты узкой тайной лестницы, освещаемой восковыми свечами в настенных подставках, привели нас в подвал дома. Даже не так: на второй подземный этаж. Стены отделаны деревянными панелями, звуки приглушены. Охраны совсем нет, ни души.

– Прошу взглянуть. – Озимек коснулся одной из панелей, и она отошла в сторону, образовав освещенный желтоватыми языками пламени проем. – Повторяю, стесняться нечего, вы здесь лишь в гостях, пан Николай.

Я обомлел. Нет, разумеется, я и раньше был осведомлен о некоторых деликатных особенностях эпохи неофеодализма. Средневековье, пусть даже искусственное, остается таковым, варварство на Меркуриуме никого не шокирует, а является делом привычным и естественным, однако в заведениях, подобных этому, я еще не бывал.

Пыточная. Хорошо оборудованная пыточная, будто сошедшая со страниц древних земных романов о еретиках и инквизиции. Большущий зал в полсотни квадратных метров, высокий потолок, прекрасно продуманная система вентиляции – воздух свежий, невзирая на пышущие раскаленными углями жаровни и факелы по стенам. На отдельных стойках наборы блестящих инструментов, об утилитарных функциях которых думать хочется меньше всего, деревянная дыба, какие-то колеса с крючьями, две бочки с водой.

Тихий ужас, короче говоря.

В центре помещения возвышается столб, на котором распят человек. Слово «распят» я употребляю в прямом смысле – руки прибиты над головой к бревну окровавленными костылями, голени прикованы цепью. Одежды никакой, кроме набедренной повязки, серая ткань испачкана кровью.

Простец, это я понял сразу.

– Проходите, – подтолкнул меня Озимек. – Познакомьтесь с вашим несостоявшимся убийцей. Гжесь, приведи его в чувство!

Из полутьмы появился Гжесь – тоже простец. Седой, в возрасте, одет прилично, словно обыкновенный горожанин – не скажешь, что палач. Никакого кожаного передника, зачатей губы и кривого глаза, обычный человек. Точнее, клон.

Хватило двух кувшинов ледяной воды. Пленник пана Озимека застонал и с трудом оторвал голову от груди. Этнический тип, кажется, «Галлика» – волосы темные.

– Вы когда-нибудь слышали о «диких простецах», пан Николай? – внезапно спросил шеф тайной службы.

– Что? – Я знал, тронуть меня они не посмеют, вдобавок я предупредил Щепана, куда именно собираюсь пойти. – Как вы сказали?

– Дикие простецы, – спокойно повторил Озимек. – Покинувшие хозяев... Не подчиняющиеся благородным. Не знаете? Очень жаль. Должен вас огорчить, пан Николай, такое случается. В Дольни-Краловице редко, но у соседей, особенно с севера – гораздо чаще. Ваш обидчик – дикий. Кстати, вы приняли вчера простицу, сопровождаемую мужем, приехавшую из Бороградека? С ними еще был деревенский знахарь?

– Ну... Да. – Отрицать было бессмысленно. – Откуда вы знаете?

– Это я послал ее к алхимикам. Вначале женщина обратилась к аптекарю Госменку, с Черной улицы. Он, уви-

дев необычную болезнь, доложил нам – сами знаете, любое странное заболевание у простецов должно быть зарегистрировано. Помните эпидемию багровой лихорадки три года назад?

– Отлично помню. Остановили ее мы.

– Заслуг гильдии алхимиков никто не отрицает. Может быть, объясните, чем больна женщина из Бороградака, если уж ваша гильдия столь хорошо разбирается в недугах простецов?

Я помедлил, подбирая слова, и сказал:

– Пока я не вправе говорить об этом. И вообще, какое отношение...

– Женщина – подданная короны князя Дольни-Краловице, – ледяным голосом перебил Озимек. – Если вы намерены скрыть информацию о ее болезни, возможно опасной, я должен буду немедленно пожаловаться его светлости. Кроме того, у меня на руках письменное заключение господина Госменка, заверенное нотариусом. Это беременность, верно?

Блестяще. Аптекарь, нотариус, начальник секретной службы... Кто еще об этом знает? Во всех тавернах шушуются? Пан Щепан меня убьет!

– Верно, – кивнул я. Можно было бы до конца стоять на своем, все отрицать, ссылаться на неприкосновенность, стращать неминуемыми карами, но подловили меня очень уж красиво! – Дальше что?

– Пока – ровным счетом ничего, – хмыкнул пан Озимек. – Повторяю: беседа неофициальная. Вернемся в мой кабинет и спокойно поговорим на взаимноинтересующие темы. Гжесь!

– Да, ваша милость?

– Этого, – пан секретарь канцелярии брезгливо указал на прибитого к столбу простеца, – снять, вызвать лекаря, сутки не допрашивать. Двойная стража, следить в четыре глаза! Он пригодится в будущем. Пан Николай, отчего вы застыли, будто василиска увидели? Идемте. Я могу рассказать вам много интересного... Равно как и вы мне.

Глава вторая

Первый рассказ Степана Королева

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ!

Готия, замок Визмар – Баршанце.

24–27 июля 3273 г. по РХ

Иногда я думаю, что происходящее со мной вовсе никакая не реальность, а невероятный по своей масштабности и продуманности розыгрыш. Я знаю несколько солидных фирм на Сириус-Центре, которые занимаются подобного рода деятельностью, услуги очень дорогие, но качественные – если хочешь от души подшутить над другом или сделать ему необычный подарок на день рождения, сделай заказ, оплати счет авансом, а остальное не твоя забота.

Человек может заснуть вечером в своей постели, а проснуться на другой планете, окруженный зубастыми ящерами, «перенестись во времени» в Древний Рим или эпоху Первой мировой войны, поучаствовать в завоевании Мексики конкистадорами, поужинать с Людовиком XIV. Спектр развлечений огромен, спектакли ставятся на высочайшем уровне с привлечением как живых актеров, так и сложнейшей техники, причем они полностью безопасны для клиента – если человек пострадает, ему выплатят немаленькую стра-

ховку!

Никаких сомнений, если меркурианский кошмар все-таки окажется чьей-то дурной шуткой, на выплатах по страховому полису я озолочусь. Да только вероятность подобного исхода исчезающе мала – никто не стал бы ради моей скромной персоны создавать грандиозные декорации, привлекать к постановке сотни людей и выдумывать настолько фантастический сценарий. Увы, надо признать, это реальность, которая, как явствует из слов классика былых времен, самая страшная вещь на свете...

На чем мы остановились в прошлый раз? Да, верно, на прибытии в Морской замок, родовое гнездо герцогов Визмарских, больше напоминавшее неудачную помесь Баскервиль-холла, замка графа Дракулы и крепости, в которой Синяя Борода на практике изучал этику и психологию семейной жизни в компании всех своих жен. Сказочная цитадель, будто вынырнувшая из глубокого прошлого, из легенд, в которых непременно фигурируют драконы, злые колдуны, доблестные рыцари и печальные принцессы, льющие слезы в мрачных башнях.

Прошлое? Ничего подобного! Если верить господину алхимику, это было настоящее, вернее – будущее, также, впрочем, отдаленное. Оказывается, путешествия во времени более чем реальны, да только обычному человеку должно очень не повезти, чтобы проскочить на собственном космическом корабле по Лабиринту сингулярности на пятьсот де-

вяносто один год вперед и на тридцать килопарсек в пространстве!

Понимаю, поверить в это сложно. Я и сам вначале не верил. Во-первых, слишком много подозрительных совпадений; во-вторых, мой транспорт выбросило из Лабиринта в обитаемой звездной системе (а таковых в Галактике, с учетом Содружества Сириус-Центра и миров, колонизированных homo novus, тысячные доли процента от общего количества), и в-третьих, меня немедленно приняли здесь едва ли не за мессию, чему, между прочим, отыскивались доказательства. Говоря проще, сплошная мистика!

Хорошо, пускай, я согласен с тем, что для мифологического менталитета обитателей планеты мистика является одной из важнейших составляющих здешнего странного бытия. Достаточно посмотреть на Зигвальда – парень пропитан предрассудками и суевериями от макушки до пяток. Пытавшись разобраться, что происходит на Меркуриуме, я поначалу решил, что волшебники, оборотни и заколдованные замки существуют на самом деле, однако Николай из Долни-Краловице появился очень вовремя и растолковал: ты, друг любезный, очутился в самом центре Большой Игры, и лишь тебе одному решать, принимать ее правила или нет.

Лучше принять, иначе не выживешь.

Описывать мои приключения, начавшиеся после аварии бортового компьютера транспортного корабля, совершавшего обычный, ничем не примечательный рейс с Эпсилона

Эридана на Бекрукс, здесь смысла не имеет – слишком долго. За неполный месяц пребывания на этой восхитительной планете меня несколько раз едва не сожрали в самом прямом смысле данного слова; полностью игнорируя мое мнение, возвели в высокий дворянский титул и ознакомили с большинством неприглядных тайн Меркуриума – спасибо Николаю, после его объяснений стало ясно, что я не сошел с ума, не сплю и не галлюцинирую, а колдовства как не существовало раньше, так не существует и теперь. Магию заменяет высокая наука.

Итак, давайте вернемся на две стандартные недели назад, в замок Визмар, куда мы явились вчетвером – ваш покорнейший слуга, Зигвальд Герлиц, Николай из Дольни-Краловице и мой ассистент и своеобразный покровитель, автономный искусственный разум, носящий личное имя Нетико и обитающий в небольшой черной коробочке из огнестойкого пластика...

* * *

Мы бродили по Морскому замку в поисках неизвестно чего два с лишним часа. Исследовали большинство галерей и проходов, еще раз поняли, что легендарный Риттер фон Визмар был человеком оригинальным (в казематах обнаружи-

лась коллекция запечатанных стеклянных сосудов с законсервированными в спирте монстрами граульфианского производства), едва не заблудились в лабиринтах подземных ходов и наконец вышли в маленькую круглую пещерку – очередной тупик.

– Возвращаемся? – с надеждой спросил я. Бесцельные хождения по душным тоннелям смертно надоели, хотелось глотнуть свежего воздуха и вновь увидеть синее небо. Меня начали точить острые зубки незнамо откуда появившейся клаустрофобии, которой я никогда прежде не страдал: эта болезнь несовместима с работой пилота транспортного корабля.

– Нет, не возвращаемся. – В голосе Николая появились металлические отзвуки. – Поздравляю, вас, Стефан фон Визмар. Замок опознал вашу герцогскую светлость. С этого момента я отказываюсь что-либо понимать!

Алхимик подошел к дальней стене, вытянул факел и указал на...

– Не может быть. – Я попятился и наткнулся спиной на стоявшего позади Зигвальда. – Мистика...

– Опять мистика? – Николай постучал кулаком по неровному камню. – Нет, оно вполне материально. Остается понять, как пробраться внутрь. А самое главное – что спрятали Визмары за этой стеной...

Передо мной красовался герб с белой акулой, а над геральдическим щитом чернели вырезанные на кроваво-красном

граните аккуратные латинские буквы:

EQUILIBRUM

Название моего судна, построенного шестьсот двадцать лет назад на Сириус-Центре, в другом рукаве Млечного Пути, за уймищу световых лет от Меркуриума.

– Совпадение? – неуверенно брякнул Нетико, хотя раньше утверждал, будто совпадений не бывает.

Он, как представитель машинной цивилизации, обязан предостерегать человека-симбионта от неправильных выводов и следовать строгой логике. Похоже, на этот раз сверхразумность ИР никак не проявилась.

Зигвальд остался бесстрастен, словно эпический герой, всем своим видом говоря: а я знал, я предупреждал, что именно так и будет! Вам, маловеерам, надобно стыдиться!

Еще во время первой встречи, когда я, ошарашенный и напуганный окружающими непонятками, случайно наткнулся на Зигвальда по прозвищу Жучок, Стража Крепостей и феодала, он мигом приметил эмблему корабля на моей куртке пилота – белую акулу. В простоте своей сделал неправильные выводы: носителем такого герба может быть только один из родственников Риттера фон Визмара. Потом, основываясь на изначально неверном посыле, выстроил целую

логическую цепочку – я мол, являюсь наследником скандально знаменитого на всю планету мятежника.

Пришлось признаться: к Визмарам я имею столько же отношения, сколько и к самому Меркуриуму, сиречь – никакого. Упрямый Зигвальд не отступился и решил проверить – оттого и потащил нас к Морскому замку, утверждая, будто фамильная твердыня сама «узнает» своего хозяина. И вот пожалуйста – второе подтверждение, более чем убедительное.

Теперь Зигвальд начнет отстаивать свою *idée fixe* до конца, он человек редкостно упертый. Будь проклят тот день и час, когда умники из Университета разработали теорию искусственной деградации массового сознания, постепенно превратив нормальных людей в суеверных варваров!

– Говоря откровенно, я потрясен, – сказал Николай. – Это, други, никакая не случайность. Степа, что ты скрываешь?

– Да пошел ты знаешь куда?!.. – заорал я по-русски. – Провалитесь вы оба со своими дурацкими загадками!

– Тише-тише, незачем так волноваться, – хмыкнул алхимик. – Давай предположим, что ты действительно как-то связан с Визмарами. Опосредованно. Не будем пока выдвигать глупых теорий, все равно наскоро ничего умного не придумаем. Надо воспринимать все происходящее без лишних эмоций. Не вижу тут никакой трагедии. Непонятно? Да. Необъяснимо? Пускай так, есть многое на свете, друг Горацио, что неподвластно нашим мудрецам. Рано или поздно

все разъяснится. Надо сделать к этому первый шаг.

– И какой же?

– Там, за стенкой, что-то есть, руку даю на отсечение. Нетико?

– Ультразвуковой резонанс показывает пустоту, – ответил ИР. – Никакого искусственного излучения, радиационный фон несколько повышен, но замок построен из гранита, это нормально. Биосенсоры развитых форм жизни не регистрируют. Как убрать преграду, я не представляю: видимо, некая хитрая механика, известная только строителям и владельцам замка.

– Владелец? – Николай в упор посмотрел на меня, едва не вызвав очередную вспышку немотивированной ярости. – Предполагается, что господин Стефан фон Визмар – один из них. Степа, только не вопи, пользы от этого никакой! Ну-ка, твоя герцогская светлость, вспомни, отец не оставлял тебе никакого секретного кода, никакого шифра, который ты мог бы использовать в экстремальной ситуации? Непонятного сообщения, записанного в памяти ИР транспорта?

– Нет, – проворчал я. – Ничего подобного не было.

– Твой личный капитанский идентификационный код? Для разблокирования отдельных узлов корабля? Ты ведь как-то отключил реакторы «Эквилибрума»?

– Примитивно! Три семерки, три шестерки, три пятерки и мое имя. Разве он здесь поможет?

– Верно, гнилая идея. Зигвальд, давай отойдем в сторо-

ну. А ты пошарь ладонями по стене. Потыкай пальцами в камень. Может, сенсорное управление?

– Повторяю: я не регистрирую микроволнового и электромагнитного излучения, – занудным тоном сообщил Нетико. Я попросил его заткнуться и не мешать.

Шершавые, плохо обработанные каменные плиты были холодными и влажными. Ни одна с места не сдвинулась, хотя я ощупал каждую. Проверил высеченный в граните герб.

– Бесполезно. Тут гранатомет нужен. Или пластиковая взрывчатка.

– Отвыкай от дикарских методов, привычных вашей цивилизации, – сказал Николай. – Учись думать нестандартно! Зигвальд, может быть, ты что-нибудь посоветуешь?

– Сила – в слове, – глубокомысленно изрек Жучок. – Словом сотворена Вселенная. Слово выбито в камне.

– Обожаю его за ясность формулировок, – не преминул откомментировать Нетико.

– Помолчи! – отмахнулся Николай. – Надо полагать, Equilibrium, это не только опознавательный знак! Это, скорее всего, замочек с секретом! Степан, потрогай буквы! Дотянись!

Я поднялся на цыпочки, положил ладонь на литеру Е, потом на Q, на U... Ничего.

– Активировалась неизвестная система, приблизительный аналог – лазер, источник энергии автономный, очень похоже на микрореактор. – Я вздрогнул, когда Нетико выдал эту ско-

роговорку. Его речевой модулятор немислимо частит только когда ИР волнуется. Машинному интеллекту не чужды эмоции. – Продолжай!

Под самым потолком пещерки распустился ярко-зеленый веер – множество тончайших лучиков. Два аналогичных пучка вспыхнули справа и слева.

Зигвальд машинально положил ладонь на рукоять клинка – к колдовству он относился с обоснованным подозрением. Николай поймал Жучка за рукав, быстро объяснил, что ничего страшного не происходит. Лучи пересеклись, ощупали меня, затем так же быстро скользнули по алхимику с Зигвальдом. Через несколько секунд в воздухе образовались три маленькие объемные проекции – наши фигурки, размером с палец. Две зеленые, одна ярко-красная.

Моя.

– Всё чудесатее и чудесатее, – покачал головой Николай. Нетико издал звук, похожий на покашливание. – Степа, тебе когда-нибудь говорили о том, что ты очень интересный человек?

– Говорили. Шлюхи на Аврелии, которым я давал на чай в три раза больше положенного.

– Сколько всего нового можно узнать из обычной светской беседы... Так, а дальше-то что?

Дальше? Стена исчезла. Не разошлась, не уползла в сторону, не поднялась, не скрылась в шлюзовом проеме. Камень растворился, сгинул. По волосам и одежде поползли искры

статического электричества, резко запахло озоном. Пахнуло морозцем, что еще больше испугало Зигвальда – холод является признаком дурного колдовства.

– Сверхплотное силовое поле, метод уплотнения молекул, – немедленно опознал Николай. – Изобретение древнее, времен Земли. Сейчас не используется даже юнионцами, технология считается безнадежно устаревшей. Я видел такое еще до Катастрофы.

– Верно, – подтвердил Нетико. – Давайте посмотрим, что внутри! Хватит болтать!

– Ничего опасного не чувствуешь? – спросил Николай.

– Сам проверь, сверхчеловек!

– Ну ты и скотина, Нетико! Верно говорят, цивилизация машин создана нам на погибель! Пошли, я ничего особенного не вижу, техногенная активность минимальна. Несколько энергопотоков, источник один, реактор на водороде. Слабое излучение от генераторов полей...

– Как ты узнал? – вытаращился я.

– Вам, людям обыкновенным, это не объяснишь. Я способен видеть невидимое – тот самый библейский метод. Совершенство организма и органов чувств. Переключаешься в соответствующий режим и вперед... У тебя ведь глаза привыкают к темноте? Примерно то же самое, только стократ быстрее. Сначала трудно было, но потом привык. Теперь и представить не могу, как можно жить иначе. И жалею тебя потому, что банальный хомо сапиенс не способен видеть мир

во всем его бесконечном многообразии.

– Вы закончили? – нетерпеливо пробубнил Нетико.

По сравнению с ИР, Зигвальд казался образцом сдержанности. В наши заумные беседы он предпочитал не вмешиваться и безмолвно ждал. В конце концов, по святому убеждению Жучка находился в *моем* доме, и здесь я был хозяином. Морской замок принял законного владельца, а как и почему – дело десятое, его, Зигвальда, не касающееся. Смертному незачем размышлять о сверхъестественном и непостижимом!

Мы стояли перед входом в тоннель со сводчатым потолком. Проход не широкий, рядом смогут идти два человека. Факелы бросают блики на гладкие стены.

– Иди вперед. – ПМК, висевший у меня на плече, завибрировал, привлекая внимание. На передней панели обиталища Нетико вспыхнул яркий синеватый огонек. – Не торопись. Если замечу что-либо необычное, сразу дам сигнал.

Неожиданностей не произошло, пусто и тихо. Коридор продолжался метров десять, сразу за ним – большая темная комната. Воздух свежий, наверняка поступает из шахт, пробитых в теле скалы. Влажность нулевая, значит установлены фильтры и поглотители...

Тьфу, о каких поглотителях может идти речь здесь, в зачарованной цитадели на планете, где даже о вентиляторах слыхом не слыхивали?!

По углам прямоугольной комнаты пробежали золотистые

огоньки, появилась неяркая подсветка.

– Оп-па! – присвистнул Николай. – Визмаров не зря полагали людьми экстравагантными, но это уже чересчур! Не знаю, что и думать теперь.

Зигвальд нахмурился, ему здесь не нравилось. Слишком необычная обстановка.

– Кто говорил, что на Меркуриуме не используются высокие технологии? – Я повернулся к алхимику. – И что за любовью технологической активностью ведется строжайшее наблюдение?

Николай только руками развел.

У дальней стены возвышался серо-стальной терминал. Несколько погасших плазменных экранов, круглые окошки бездействующих голографических проекторов – очень похожие производятся у нас в Содружестве. Ряды цветных клавиш, разъемы для подключения внешних устройств – архаика, команды машинам издавна отдаются голосом или через импланты! Рядом обычный стол, но не деревянный, а металлический, на тонких ножках.

Справа громоздится нечто весьма смахивающее на криогенную фугу образца века эдак двадцать третьего. Солидное прямоугольное основание, информационная панель, прозрачный колпак. Мерцают два индикатора, зеленый и оранжевый.

– Посмотрим. – Николай немедленно заинтересовался фугой. – Вдруг там кто-нибудь есть?.. Терзает меня смутное по-

дозреение, что аналогичные или очень похожие камеры я видел раньше. Степан, соображаешь, где именно?

– На Земле? – предположил я.

– Конечно. До Катастрофы. Надо же, и вправду: маркировка корпорации «Сименс», Германская империя... Любопытно, сколько лет этой штуке? Теоретически Визмары, как одна из первых семей, обосновавшихся на Меркуриуме, могли припереть сюда с Земли любую аппаратуру, это несложно. Если с ней бережно обращаться, техника способна работать столетиями, в те времена производили очень надежные вещи.

– Это гроб? – поинтересовался Зигвальд. – Саркофаг, как в усыпальницах?

– Не совсем. Люди Земли были краткоживущи, а первые космические перелеты – очень долгими. Пришлось изобрести так называемый «холодный сон», чтобы во время путешествия из системы в систему можно было спать. Аппарат погружал человека в глубокую кому, поддерживал жизнедеятельность мозга и основных органов... Между прочим, эта фуга настроена всего лишь на консервацию, сохранение статуса объекта небиологического происхождения. – Алхимик вытер рукавом тонкий налет пыли на стекле, взгляделся и сдавленно охнул: – Мать моя родная, ну точно! Быть не может! В режиме глубокой консервации человеческий организм не выживет. Замок покинут сто двадцать четыре года тому!

– Откуда такая убежденность, что внутри именно человек? – подал голос Нетико. – Я ошибаюсь или на операционной панели фуги виден порт приема направленного лазерного луча? Сними ПМК, положи рядом с ним, я постараюсь выяснить, в чем дело... Да, отлично, именно так. Связь установлена, провожу диагностику системы...

Пяти минут не прошло, как тяжелый колпак фуги поднялся. Нетико пояснил:

– Примитивно, как и ожидалось. Искусственным разумом фуга не оснащена, защиту от несанкционированного вторжения я снял. Сеанс консервации был начат двести двадцать восемь лет назад, не прерывался, объект в сохранности.

– Это ж андроид, – сказал Николай, осмотрев содержимое криокамеры. – Земного производства, таких делали перед самой Катастрофой в Америке и по лицензии в Европейском сообществе! Механический сталепластовый эндоскелет, внешние ткани клонированы из модифицированных человеческих клеток с добавлением цепочек металлов, автономный источник энергии. Узнаю, их много тогда было. Дорогая игрушка – «Ciberdyn Systems 101». Весьма крепкая штукавина – модель предназначена для работы в экстремальных условиях.

– Почему живые ткани не погибли и не разложились? – спросил я, рассматривая неподвижного искусственного человека. Выглядел он очень внушительно: рост под два метра, широченные плечи, физиономия не самая симпатичная,

о таких лицах говорят: «как топором вырубил».

– Они не совсем живые. Никакого метаболизма, питание энергетическое, распад трансформированных белков невозможен, от консервации они не страдают. Очень грубая подделка под жизнь, но тем не менее сделано довольно похоже... Нетико, ты знаешь, как активировать андроида? Вдруг он может что-нибудь сообщить?

– Модель древняя, но если я не ошибаюсь, универсальные разъемы должны располагаться за правым ухом. – На корпусе ПМК открылось крохотное окошечко, из которого выпали тонкие оптоволоконные «струны». – Нашел?

– Конечно. – Алхимик подцепил ногтем лоскуток кожи возле ушной раковины андроида. – Как присоединять?

– Как угодно, это не имеет значения. Отлично, теперь подождите – для обследования искусственного организма потребуется некоторое время...

Зигвальд смотрел заинтересованно, но без лишнего удивления – так называемые «не-живые», то есть антроиды, на Меркуриуме встречались, надзирая за простецами под видом монахов. Одного такого я видел в деревне, на следующий день после прибытия на планету.

– Он работоспособен, – сказал Нетико. – Энергоисточник, термоядерная батарея, в полном порядке, сигналы по нервным стволам проходят без затруднений. Одна трудность: автономный искусственный разум отсутствует, матрица ДНК-носителей и блоки пузырьковой памяти девственно чисты.

Канал внешнего управления перекрыт, да и кому здесь придет в голову управлять искусственным организмом извне?

– Хочешь сказать, что Визмары хранили бесполезного болвана, не оснащенного даже самой примитивной рабочей программой?

– Именно. Но отчего же бесполезного? Николай, могу я тебя попросить о небольшой услуге? Сейчас откроется энергоблок...

Там, где у людей находится грудина, по коже андроида прошла темная линия, образовав прямоугольник длиной дюйма три-четыре. Зашуршал механический привод, выдвинулся узнаваемый ребристый цилиндр – почти бесконечный источник питания на дейтерии.

– Теперь отсоедини контакты ПМК, – продолжал руководить Нетико. – На передней поверхности батареи темно-красная клавиша. Видишь?

– Нажать?

– Да. Захваты разошлись? Вынимай, но осторожнее – полумегатонного взрыва нам только не хватало...

– Шуточки у тебе запредельно глупые.

– Извини. Внутри грудной клетки, справа, должна быть небольшая ниша с двумя маленькими индикаторами. Каким цветом светятся?

– Красным.

– Вытяни из ПМК волокна на необходимую длину, гнезда для контактов сразу под диодами. Для начала необходимо

подать энергию, затем я самостоятельно подключусь к внутренней биосети через цепочки клонированных нейронов.

– Ага, нашел. Сделано.

– Попробуй установить ПМК в нише. Плотно, чтобы не болтался.

– Сидит как влитой, по-моему...

– А что ты хотел? Технологии унифицированы в соответствии со стандартами корпораций Земли, со временем они мало меняются. Инженерный консерватизм иногда бывает полезен. Батарейку на место, нажать на клавишу повторно... Сейчас постарайтесь не мешать мне минуту-другую.

– Как ты думаешь, что он затеял? – взглянул на меня Николай.

Энергоблок медленно заполз обратно.

От неожиданности я прыгнул в сторону, едва не поскользнулся на отполированных плитах, которыми был покрыт пол. Андроид пошевелился, открыл глаза, уселся в криокамере и положил ручки на ее края.

– Необычные ощущения, – сказал он голосом Нетико. – Ничего, с дезориентацией справлюсь – никогда еще не пытался действовать в трехмерном мире.

– Соригинальничал? – Я рассмеялся, уяснив, в чем был смысл недавних манипуляций. – Теперь понимаю, зачем ты упрасивал меня договориться с Зигвальдом, чтобы достать или купить действующую модель андроида!

– Нетико, ты гений, – признал Николай. – Зря я ругался.

Лишние две руки и здравомыслящая голова нам ничуть не помешают.

– Пришлось пойти на крайность, чистейший экспромт, – сказал андроид. Я с трудом воспринимал тот факт, что ставший почти родным ИР теперь воплощен в образе здорового мужика с неприятным суровым лицом. – Живешь среди людей, так изволь выглядеть как человек. Мне просто повезло: искусственный организм произведен цивилизацией «старого человечества», никакой несовместимости... А брать на себя внешнее управление телом невозможно, требуется канал Планка – он жрет бездну энергии, и кроме того, неудобно. ПМК в кармане у Степана, а сам андроид бродит незнамо где, в тысяче километров?.. Ну что, довольны?

– Еще бы, – кивнул алхимик.

– Один не-живой переселился в другого? – сделал правильные выводы необразованный Зигвальд. – Теперь он сможет помогать нам не только голосом и разумом?

– Именно так, друг мой, – отозвался Нетико. – И вот что еще, господа. Сами понимаете, в таком виде ходить неприлично, пускай я и не испытываю особых комплексов перед представителями вашего разумного сообщества. Зигвальд, я надеюсь, у тебя отыщется запасная одежда? Штаны хотя бы? Ты человек крупный, не то что эти два недомерка. Должно подойти.

– В седельных сумках, – ответил Жучок. – И пожалуйста, впредь не используй обидных слов. Что значит «два недо-

мерка»?

– Договорились. – Нетико окинул взглядом меня с Николаем и вылез из чрева фуги. Двигался он вполне уверенно, ничем не отличаясь от человека. Одна беда, андроид и впрямь был выше нас с алхимиком на целую голову. – Ну что, продолжим? Полагаю, здесь должно отыскаться еще много интересного.

– Постой. – Николай вытянул руку ладонью вперед. – Можно осведомиться, а что ты умеешь?

– То есть как – что? – не понял ИР. – Прочитать лекцию о способностях искусственного разума девятнадцатого поколения «Птолемея»?

– Нет, я в другом смысле. Сам андроид?

– Неплохая машина. – Нетико попытался выкроить на лице нечто вроде улыбки. Вышло скверно, так улыбаются серийные убийцы в голографических постановках плохих детективов. Лучше бы он вообще не пользовался мимическими синапсами. – Наподобие коллекционной космической яхты: старые вещи не только практичны, но и надежны. Зрение во всех диапазонах, радар, мазер, сканеры, обонятельные и тактильные сенсоры, гиперчувствительность к изменению электромагнитных полей, возможность бесперебойного функционирования при агрессивной внешней среде. Говоря кратко, стандартный набор плюс мои собственные особенности как отпрыска цивилизации «Птолемея».

– Ни хрена себе компьютер-помощник, – проворчал Ни-

колай, еще раз оглядев новое воплощение Нетико. – Ладно, потом обсудим. Мы слишком увлеклись, а дело идет к вечеру – мне почему-то не хочется здесь оставаться после захода солнца.

– Какая разница, мы все равно в подземелье, – напомнил я.

– Ты это расскажешь всяко-разным зубастым тварям, выходящим из укрытий ближе к ночи. Верно я говорю, Зигвальд?

– Верно, – согласился готиец. – Пускай господин Стефан решит, стоит ли нам здесь оставаться.

– Давайте быстрее, – сказал я. – Нетико, командуй. Техника – это по твоей части.

– Я помню о своих обязанностях симбионта вида *homo sapiens*, – с невозможной серьезностью ответил ИР. – И готов выполнять их даже без штанов.

– Ты однажды дошутишься!

– Никаких шуток. Займемся терминалом, нам крайне необходима любая информация. Надеюсь, прежние владельцы Морского замка позаботились о преемниках и оставили им подробные распоряжения относительно наследства...

* * *

Оптимистичные надежды не оправдались. Нетико около часа возился с терминалом, но добился только одного: сумел активировать программу входа в систему и уточнил, что управляет терминалом старинный ИР.

– Тупой как пробка, – отозвался о младшем собрате Нетико, – это не машинный интеллект в привычном понимании, он не сознает собственного бытия, мыслит линейно, для него существуют только два слова – «да» и «нет». Такое впечатление, что создали это вопиющее безобразие веке в двадцатом или двадцать первом. Или хозяин нарочно использовал примитивный «медленный» ИР, чтобы добраться до тщательно оберегаемых тайн Визмаров мог только посвященный. Взломать защиту мне не под силу.

– Чего? – Я оторопел. – Сказки! Со времен зарождения искусственного разума до твоего... э... появления на свет в объективном времени прошло пятьсот с лишним лет! Каждый знает, что ИР существуют в так называемом «быстром времени», то есть эволюционируют на порядки порядков быстрее живых организмов! Человеческая секунда для вас – тысячелетия!

– Сравнение чересчур грубое и приблизительное, – отмахнулся Нетико. – Вообрази: ты обладаешь всеми доступными современному человеку знаниями, оригинальным, нестандартным и объемным мышлением, но решительно не в состоянии прочитать отрывок текста, написанного первобытным человеком.

– У первобытных людей не было письменности, – хихикнул Николай.

– Я для примера! Смысл значков давно утерян, слова навсегда позабыты, породившие их люди умерли и не оставили потомства, никому не передали свои знания. Ключа к коду нет, и взяться ему неоткуда – все исчезло.

– Разве ИР не обладают абсолютной генетической... Точнее, информационной памятью? О своих предках?

– В том-то и дело, что это не мой предок. Информационная несовместимость. Крыса, спарившись с рыбой, не сможет родить крысорубу! Ясно? Другой исходный код. Кто-то экспериментировал с новыми формами электронной жизни, не иначе... Давайте попробуем обходные пути. Идентификацию по отпечатку пальца или белку человека, это предусмотрено. Степан, положи палец на считывающее устройство!

Над квадратным окошечком мелькнул зеленый лазерный лучик, срезавший несколько микрочастиц моей кожи, по центральному монитору пробежало несколько строчек.

– Уже кое-что, – удовлетворенно сказал Нетико. – Совпадение по требуемому генотипу на двадцать процентов. Это очень много! Ошеломляюще много!

– Значит, на одну пятую ты все-таки Визмар, – не преминул заметить Николай. – Поздравляю, наследование титула и собственности отчасти законно... Степа, подумай еще раз! Кто из твоих предков...

– Не знаю! – огрызнулся я. – Мне родители ничего не рас-

сказывали! Честное слово! И потом: почему на одну пятую? Я всегда думал, что человек наследует поровну от всех пращуров по отцовской и материнской линии! Выходит, у моего деда или бабушки было трое родителей? Что за ерунда!

– Не забудем еще одну немаловажную деталь, – поддержал меня Нетико. – Homo sapiens novus и обычный homo sapiens не могут дать общего потомства. Дважды ерунда... Кстати! Зигвальд, ты полностью уверен, что Риттер фон Визмар происходил из дворян?

– Уверен, уверен. – Николай упредил гневную отповедь Жучка, для которого понятие «благородная кровь» было святым и неприкосновенным. – Нетико, подумай, простец сумел бы устроить заваруху, подобную мятежу тридцать восьмого года? Являться владельцем этого замка?

– Я лишь высказал предположение. Степан – замечу отдельно! – по местным меркам тоже простец. Пускай и родственник. Ладно, посидите полчасика, я сделаю еще несколько попыток...

Терпеливый Зигвальд молча ждал, мы с Николаем откровенно скучали. По моим ощущениям, наступал вечер – сутки на Меркуриуме длятся двадцать три часа девятнадцать минут стандарта, я очень быстро приспособился. Поскорее бы выбраться отсюда!

Господин алхимик заинтересовался столом, на котором валялся бесполезный хлам. Кожаная папка рассыпалась от первого же прикосновения, да и хранившиеся в ней бумаж-

ные листы истлели, оставив несколько обрывков с размытыми буквами – прошло больше века. Деревянная чарочка высохла и растрескалась, от гусиных перьев остались неприглядные остья, подстavec развалился, только серебряная чернильница осталась невредимой, над благородными металлами столетия не властны.

– Хм, интересно как, – произнес алхимик, заставив меня оглянуться. – Степан, подойди. На это стоит взглянуть.

Николай держал в руках записную книжку-блокнот с застежкой. Замочек золотой, с миниатюрной эмблемой – на смерть опостылевшей мне акулой. Черная обложка из мягкого пластика, имитирующего кожу, страницы характерно поблескивающего велена – тонкие, но прочные, будто квадроволоконная полимерная ткань. Записи велись лазерным пером, от руки. Немудрено, что книжечка сохранилась – она осталась бы такой же и через десять тысяч лет!

– Странно, на столе исключительно быстроразрушающиеся предметы за исключением чернильницы, а ежедневник как новенький, – азартно бормотал под нос алхимик. – Так-так, записи на латыни... Вдруг никакой компьютер нам вообще не нужен? Вся информация на этих страничках? Нетико!

– Что опять?

– Отвлекись!

– Почему бы и нет? Все мои старания впустую, не пробыешься. Больше нам здесь делать нечего, даю стопроцентную гарантию.

– Посмотри, что я нашел!

Нетико (вернее, андроид, им управляемый) посмотрел на Николая угрожающе. Так мне показалось. Искусственный человек мог изображать эмоции мимически и при помощи движений, но хоть режь, выглядело это категорически недружелюбно и сурово.

– Время заката, – напомнил Нетико. – У меня предложение: сначала покинуть замок, выйти на место предыдущей стоянки, организовать ужин для вас и одежду для меня, а потом начать говорить об умном. Идет?

– Идет!

* * *

Старый замок остался в стороне, мы поднялись по склонам холмов и устроились на возвышенности меж двух горных речушек по соображениям безопасности. Я уже знал, что «нечистая сила» боится текущей воды, а если выражаться яснее, такова поведенческая схема существ класса «Inferno», заложенная создателями в искусственных демонов. Однако минувшей ночью от неприятностей нас это не спасло – появился какой-то Aquamorfis, иначе Водяник, отчасти напоминавший живой прозрачный студень, – и попытался закусить лошадью Николая. Алхимик расправился с

тварью при помощи своих амулетов – «полевого снаряжения», позволяющего контролировать нестандартную фауну.

На меня этот инцидент произвел не лучшее впечатление. Николай утверждал, что Водяники – существа мирные, употребляют деликатнейшую пищу – донные отложения, водоросли и лишь изредка могут позволить себе малька, лягушонка или небольшое насекомое. Почему ожившая капля внезапно напала на крупное млекопитающее – неизвестно.

Меры предосторожности предприняли обычные, я ними я давно свыкся. Стоянка окружена серебряными колышками с круглыми петлями на верхних оконечьях, через которые протягивается тонкая проволока опять же из серебра. Теоретически нечисть через круг не пройдет, но теория все чаще начала расходиться с практикой – господин алхимик с мрачным видом упоминал, что всеобъемлющий проект «Легенда» дает сбои.

Ничего себе «сбои»! Это означает, что любая тварь, прежде считавшаяся безобидной, запросто тобой поужинает! Донельзя обидно сознавать, что однажды ты закончишь жизнь в желудке отвратного монстра, созданного в лаборатории биоскульптора, полагавшего зубастую образину «интересным образцом» или «новой перспективной формой жизни». Который раз убеждаюсь, что вредоноснее ученых мужей, восхваляющих «чистую науку», только плоды их неустанных трудов...

Оставим лирику и вернемся в реальность. К восходу трех

лун Меркуриума в центре маленького лагеря горел костер, мы были сыты, а Нетико обзавелся более-менее приличным костюмом, разорив Зигвальда на запасные холщовые шаровары в складку и теплую шерстяную рубаху. Вещи оказались чуть маловаты.

– Подведем итоги. – Николай уселся на толстое полено, валившееся у огня, взял кружку с травяным отваром, заменявшим на Меркуриуме чай, и уставился на нас. – Пожаловаться на отсутствие результатов никак нельзя, мы нашли куда больше, чем я ожидал. Зигвальд, надеюсь ты удовлетворен?

– Я знал, что не ошибался. – Готиец быстро взглянул на меня. – Хотел только получить подтверждение своих мыслей.

– Минуточку! – Я поднял руку, будто школьник. – А мне-то что теперь делать, вот вопрос? Вступать в права наследования? Если учесть тот факт, что Стефан фон Визмар родился совершенно в другом мире, ничего не понимает в меркурианской жизни и даже не является благородным по крови, перспективы кажутся неутешительными.

– Опять сквалыжничаешь? – вздохнул Николай. – Пути к отступлению отрезаны, неужели не понимаешь? Пропасть мы тебе не дадим; если бы меня опекали Зигвальд с Нетико, за свое будущее я был бы спокоен. Привыкнешь. Меркурианские дворяне живут по принципу: делай что душно, и будь что будет. Рекомендую действовать по аналогичному принципу.

– Меня больше всего смутило двадцатипроцентное совпадение генотипа, – добавил Нетико. – Псевдоразум слишком примитивен для того, чтобы допустить ошибку. Ты Визмар, в этом нет сомнений. Но как? Где Содружество и где Меркуриум?

– Объяснимо, – сказал алхимик. – Благородные могут путешествовать по Металабиринту в пространстве, времени и вероятностях.

– Вероятностях?

– Слоистая Вселенная, бесконечность бесконечностей... Это пока неважно. Риттер фон Визмар вполне мог переместиться куда угодно, от Сириус-Центра до старой Земли. С учетом наших сверхспособностей адаптироваться и создать подходящую легенду очень несложно. Известно, что фон Визмар, его жена, двое сыновей и несколько ближайших приспешников после поражения бежали через Лабиринт вначале на Граульф, где им в убежище отказали, затем на Пятую Овна, оттуда на Норик-VII. Потом затерялись среди тысяч колонизированных миров, исчезли, сгинули. В конце концов на Риттера объявили охоту, он и его семья были в опасности, скрываться пришлось всерьез. Отыскать человека в Содружестве Сириус-Центра гораздо тяжелее! Я почти уверен: ты либо его внук, либо правнук.

– Чересчур много нестыковок, – перебил алхимика Нетико. – И еще больше крайне подозрительных совпадений. Пункт первый: генетическая несовместимость двух эволю-

ционных ветвей человечества.

– Согласен, – кивнул Николай.

– Пункт второй: почему наш корабль оказался именно в системе Меркуриума? Это кажется случайностью лишь на первый взгляд.

– Дважды согласен.

– Третий, четвертый, пятый и остальные пункты можно не перечислять. Мы находим ответы на второстепенные вопросы, которые лишь порождают новые загадки. Если Степана отправили сюда намеренно с определенными целями, то отчего не снабдили минимальным объемом информации, не говоря уже о подробных инструкциях? Какова вообще была цель деятельности Риттера фон Визмара? Почему он не отказался от старых земных технологий на неофеодальной планете, где в самых цивилизованных государствах вершиной науки считаются механические часы с курантами?

– Нетико, логикой это не объяснишь. – Николай пожал плечами. – Я окончательно запутался. Либо мы столкнулись с невероятной интригой, рассчитанной на длительную поэтапную реализацию, либо это... гм... действительно совпадения. Крайне маловероятные.

– Будем так рассуждать, головы ломаем, – сказал я. – У кого-нибудь есть разумный план действий на ближайшее время?

– Возвращаемся в поместье Зигвальда, – ответил алхимик. – Затем я вас покину на некоторое время, дел по горло,

а пан Щепан просил меня не отлучаться надолго. Ты пока живи в Баршанце, подальше от чужих глаз – готийским захолустьем никто не интересуется, медвежий угол. Слушай, что говорит Зигвальд, он дурного не посоветует. Изучай обстановку и постарайся привыкнуть к мысли, что с Меркуриума не сбежишь. Альтернативы нет, а совет простой: плыви по течению.

– Кверху брюхом? Хорошо, уболтали, я согласен. Но распутывать клубок все равно придется!

– Сам распутается, дай время... – Николай запустил руку в кожаную сумку-споран, висевшую на поясе, и извлек записную книжку в черной обложке. – Нетико, подойди, попробуем разобраться вместе... А вы что сиднем сидите? Топайте сюда! Зигвальд, ты ведь читаешь на латинском языке?

Лично я с латынью знаком не был, но географию Меркуриума худо-бедно изучил в Баршанце, крепости Зигвальда, которую я незамысловато именовал Берлогой. Жучок хранил у себя в усадьбе набор книг и свитков, отыскиались и карты планеты. Далеко не самые подробные, рисованные от руки, изобилующие откровенно дурацкими рисунками и пометками наподобие «пещера дракона» или «бойся львов-скорпионов». Николай, правда, объяснил, что такого рода значки несут более чем серьезную информационную нагрузку – в отмеченных районах обитают опасные университетские зверюшки...

Так вот, рисунки и записи в блокноте походили на крат-

кий географический справочник по южному полушарию планеты. Основное внимание уделялось Гельвеции, почти ненаселенному второму континенту Меркуриума. Там было несколько маленьких прибрежных городков, основанных торговыми компаниями крупных государств, но серьезная колонизация материка не велась по неясным причинам. Внятно ответить на этот вопрос не сумел и Николай, сославшись на тяжелые природные условия, высокую тектоническую активность и консерватизм меркурианцев – им якобы хватает обширной и менее жаркой Скандзы. Но есть и еще одно обстоятельство – алхимик пообещал рассказать...

Силуэтом Гельвеция напоминает разомкнутое кольцо, подкову или надкушенный бублик. Пролив, ведущий во внутреннее море, устьем смотрит на северо-запад, в сторону большого континента. Нетико счел, что подобные очертания Гельвеции вызваны глобальной катастрофой в древнейшие эпохи формирования планеты – еще не остывший Меркуриум столкнулся с одним из своих многочисленных спутников-лун, образовалась воронка диаметром в три с половиной тысячи километров. Тысячи гигатонн эквивалента, не хотел бы я оказаться на Меркуриуме в том момент!

Последующие миллиарды лет планета эволюционировала так же, как и многие другие подобные Земле миры. Меркуриум находился в зоне биосферы звезды, начала синтезироваться вода, в которой зародилась углеродная жизнь по одному из стандартных дарвиновских типов, атмосфера посте-

ленно насыщалась кислородом, появились высшие организмы.

Углерод, костяк и фундамент белков, никогда не изменял законам природы – жизнь на его основе, возникшая в бесчисленных мирах, развивалась одинаково, порождая растения и животных до смешного похожих на земных. Да только человека исторгла из своего чрева одна лишь наша забытая прародина...

Наконец на Меркуриум пришли с Земли люди, гонимые по неисследованному пространству Металабиринта извечным любопытством и желанием очиститься от воспоминаний о Катастрофе. Планета понравилась, тем более (если верить Николаю) дорога сюда проста – всего три прыжка через точки сингулярности, своеобразные «пересадочные станции» Великого Лабиринта пространства-времени. Вместе с людьми появились и восстановленные земные виды растительности и зверья, прекрасно ужившиеся с аборигенами.

Лет через сто после первичной колонизации кому-то пришла в голову светлая идея – как отвлечься от извечной человеческой скуки, – и началась глобальная Игра. Настоящей жизни пришлось постесниться с биореконструированной или вообще уступить ей свою нишу.

Девятьсот лет безумия, обитания в насквозь фальшивой биосфере, времена искусственной деградации сознания, социальных взаимоотношений, экономики и массовой психологии, эпоха дикого эксперимента с «корректированной

и ограниченной разумностью» человека. Чудесный, сказочный мир.

...Гаваней на Гельвеции восемь и еще пять крупных поселений немного в стороне от побережья, люди живут только в северной части материка. Основа экономики – выращивание специй, серебряные и железные рудники, редкие породы дерева. Проектом «Легенда» эта часть света охвачена слабо благодаря своей безлюдности, там обитает всего два десятка искусственных видов. Климат очень жаркий и влажный, специально для Гельвеции был разработан новый этнический тип простецов, называющийся «Экватор». На двенадцать тысяч благородных приходится девяносто пять тысяч клонов – прямо скажем, негусто, и это при общей площади материка и находящихся рядом островных архипелагов в семь миллионов квадратных километров.

– Я бывал там несколько раз, – сообщил Николай. – Единственный центр наблюдений Университета находится в Торгау, колония королевства Остмарк, по меркам Гельвеции настоящий мегаполис и крупный порт. Теперь открываем записную книжку и на первой же странице видим запись: «*Торгау, алхимики, 50 зол*». Что такое «зол»?

– Вероятно, имелись в виду полсотни золотых монет, – сообразил я. – Нарисована схема города, как я понимаю?

– Припортовый квартал, галочкой обозначен дом нашей резиденции; выходит, кто-то из семьи Визмаров имел дело с наблюдателями в Торгау, скорее всего, что-нибудь поку-

пал...

– А чем вы обычно торгуете? – спросил я.

– Лекарствами и афродизиаками. Оберегами, магическими предметами. Всякой химией – например, реагентами для ювелиров или аптекарей. Иногда продаем редких животных в коллекции любителей экзотики. Много разного, но основное направление – фармацевтика. На Гельвеции инфекционные заболевания среди простецов встречаются чаще, чем здесь – все-таки тропики, полно всякой заразы. Да и вообще там... – Николай, подбирая нужное слово, пошевелил пальцами в воздухе, – ...обстановка некомфортная.

– Можно поточнее? – попросил Нетико.

– Не знаю, как объяснить... К жаре и духоте можно привыкнуть, хотя на побережье постоянно ветер с моря. У многих появляются головные боли, чувство легкой тревоги, меня ни с того ни с сего в Торгау начало тошнить – резкий приступ. Сами знаете, благородные крайне редко болеют, у нас стопроцентный иммунитет. Простецам, кстати, легче – они почему-то не подвержены специфическому воздействию Гельвеции.

– Чем это объясняется? – заинтересовался ИР.

– Наши приборы фиксируют геомагнитную аномалию, в горах колоссальные залежи металлов. Слабо верится, homo novus такой малостью не проймешь. Что характерно, самочувствие ухудшается по мере приближения к берегам внутреннего моря, целый день ты бодр и здоров, а к ночи так

скрутит, что хоть волком вой. Плюс депрессия. Люди, постоянно живущие на материке, адаптировались, но приезжим приходится туго – в приморских поселениях жить можно, однако в глубине материка почти каждый начинает хворать.

– Странно, – сказал Нетико. – Смахивает на направленное психофизическое воздействие. Только масштабы слишком велики. Университет не строил на Гельвеции какие-нибудь закрытые объекты наподобие Крепостей-технозон?

– Нет. Новорожденных простецов при возникновении необходимости доставляют туда морем. Одна база наблюдателей и только. Серьезных исследований континента не велось.

– Откуда тогда взялись подробные карты?

– Семьсот-восемьсот лет назад Меркуриум был полностью исследован из космоса, снимки со спутников. Потом, когда Совет Первых объявил запрет на использование космического пространства, снимки перерисовали, внесли в атласы. Кое-что добавляли местные путешественники, которых не пугали особенности материка и хищное зверье – на Гельвеции обитает множество эндемичных видов, включая невероятно крупных ящеров и опасных млекопитающих.

– А монстры? – спросил Зигвальд. – Настоящие монстры, волшебные?

– Пяток демонов. – Николай замялся. Он и так рассказал больше, чем следовало в присутствии аборигена. Зигвальд слушал жадно, мотал на ус и ничего не комментировал. –

Гидры, деревья-хищники, болотные духи. Ничего особенно страшного, любой Страж Крепостей с ними справится. Вернемся, однако, к визмаровским запискам... Заполнены только первые двадцать шесть страниц блокнота, в основном схемы, включая часть побережья. Герцог – или кто составил эти записи? – был человеком увлеченным и обследовал значительную часть Гельвеции, особо выделяя окрестности пролива, ведущего к Анконе, это общепринятое название внутреннего моря. Вот, посмотрите...

На листе был изображен контур берега и широченного, миль в двести, прохода, соединяющего океан и Анкону, почти полностью окруженную подковообразным континентом. Несколько цифр в столбик, смахивает на промер глубин. Стрелочки, указывающие на отдельные точки побережья. В кружок взята угрожающая фраза: «...Si fractus inlabatur orbis» – «Пускай весь мир, распавшись рухнет».

– Гораций, «Оды», – сообщил Нетико, постучав пальцем по записи. – Автор дневника был образованным человеком. Обратите внимание, трижды подчеркнуты слова «Nil admirari», «ничему не удивляться». Интересная шарада. Что этим подразумевается? Зигвальд, ты рассказывал, будто принадлежавший Риттеру двухмачтовик «Рейнгольд» незадолго до штурма Морского замка вышел в океан и больше о нем никто не слышал?

– Точно, – кивнул Жучок. – Поговаривают, будто на корабле вывезены сокровища герцогов, семья была очень бо-

гатай, но после взятия крепости золота не нашли. Вот, оказывается, где Визмары решили спрятать казну!

– Остроумная догадка, – проворчал Николай. – Однако не верится мне, что в потайной комнате была спрятана карта клада! Слишком банально, как в дурацком приключенческом романе! Визмары скрывали не золото, а нечто совершенно другое! Надеюсь, все согласны с тем, что герцог был ой как непрост? В одном Зигвальд совершенно прав: интерес Визмаров к южному континенту заставляет думать о том, что мятежники там что-то искали или действительно собирались припрятать на Гельвеции нечто важное, надеясь забрать это при возвращении на планету или передать наследникам!

– На последних страницах постоянно встречается слово «Exordium», которое можно толковать как «Начало», «Вход» или «Введение во что-то», – заметил Нетико. – Пишется оно всегда отдельно и с прописной буквы. Географическая точка? Топоним? Николай, на Гельвеции есть город или поселок с названием Эксординум?

– Не помню, – отозвался алхимик. – Точнее, никогда не встречал. Вернусь в Дольни-Краловице, посмотрю подробные атласы. Кстати, на память я никогда не жаловался...

– Взгляните: судя по предпоследней схеме Эксординум находится на южном оконечье «подковы», местоположение отмечено тремя стрелками и почему-то знаком вопроса с тремя восклицательными знаками. И снова повторяется запись: «Пускай весь мир, распавшись, рухнет». Знаете, какой вы-

вод напрашивается?

– Какой? – в три голоса спросили я, Николай и Зигвальд.

– Николай, ты, кажется, говорил, будто Риттер фон Визмар был яростным борцом с... с чудовищами? То есть уни-чтожал нестандартную фауну всеми доступными способами?

– Я впервые услышал об этом от принца Вильриха. Не могу поручиться за его слова, но, по-моему, парень не врал.

– А сами Визмары происходят из элиты элит, Первого Поколения?

– Конечно... – Алхимик вдруг схватился за голову. – Ах вот ты о чем? Причиной мятежа мог оказаться конфликт Визмара с Советом Первых? Он понял, что обстановка на планете ухудшается; исследуя тварей, начал сознавать, перед какой угрозой стоит Меркуриум, и решил противодействовать единственным доступным способом – объединил племена и семьи готийцев и начал войну... Но почему так поздно? «Легенда» действовала уже несколько столетий!

– Объяснение простое, – снисходительно ответил ИР. – Герцог, сам того не ожидая, докопался до некоего секрета секретов, тайны тайн, о которой даже алхимики не подозревают. Секрета, который его ужаснул и вынудил начать борьбу. Если я ничего не путаю, борьбу отнюдь не безнадежную – у него была возможность победить.

– Пятьдесят на пятьдесят, – сказал Николай. – У Совета Первых есть серьезные технологические козыри, а у Визмар

пользовался массовой поддержкой подданных. Зигвальд, ты родился после мятежа, но отец-то наверняка рассказывал, почему решил пойти за герцогом?

– Вассальная присяга, – нейтрально пожал плечами Жучок. – Люди обязаны были внять приказу своего господина и исполнить его любой ценой. Но... Отец говорил, будто Риттер фон Визмар предвидел...

Зигвальд замолчал и потупился.

– Что именно предвидел? – тихо спросил Нетико.

– Конец света.

– В каком смысле?

– В прямом, – мрачно ответил Жучок. – Открылась прореха в Бездну, из которой и лезут твари... Однажды Врата распахнутся и людей не останется. Сами видите, что творится – в ночь Тройного затмения крепость едва устояла; если бы не Стефан, меня б и на свете сейчас не было! С каждым годом все хуже и хуже... Риттер уверял, будто знает, как закрыть прореху.

– Вот даже как? – изумился Николай. – Каким способом?

– Это мне неизвестно. Одно знаю: мир одряхлел; если люди не будут сопротивляться, нас накроет тьма. Навсегда. Визмар попробовал, но ему не позволили.

– Кто? – Нетико очень удачно симитировал сугубо человеческий жест, с интересом подавшись вперед. Учится управлять телом на нашем примере. – Кто не позволил? Почему?

– Те, кто не понимает, куда мы катимся! Страны на юге, за Танвальдом, тамошние короли и владетельные бароны! Пожили бы они здесь, в Готии, где благородные и простецы гибнут ежечасно...

– Верно, – подтвердил алхимик. – Самая гнилая обстановка именно в субарктических областях. Готия, север Остмарка, частично Лимбург. За горами пока спокойно. Относительно, конечно – у нас в Верхней Моравии тоже кое-где началось...

– Давно? – спросил Нетико.

– Последний год. Вот что, господа хорошие, этак за разговорами мы до рассвета просидим, а надо отдохнуть. Мы с Зигвальдом посторожим три часа, потом...

– Зачем? – вкрадчиво перебил ИР. – Спите спокойно. Как вы думаете, искусственный разум нуждается во сне? А организм андроида имеет неприятное свойство уставать? Это привилегия человека.

– Верно, я и не сообразил, – расхохотался Николай. – Отлично! Заметишь что необычное, буди немедленно!

– Принято.

* * *

В первые дни знакомства Зигвальд показался мне челове-

ком дремучим и недалеким – мы с Нетико недоумевали, как он может всерьез верить в хранящих лес духов, в сглаз, порчу, в вампиров или гигантских кракенов, при этом будучи наслышанным о космических путешествиях, Металабиринте и машинном разуме?

С появлением Николая выяснилось, что меркурианская небывальщина вполне материальна, а Зигвальда следует воспринимать таким, какой он есть – по так называемой шкале Серкис-Ромма, еще именуемой «шкалой одичания», уровень деградации общества в Готии составляет 3–3,2 балла, что неудивительно: на севере континента «Большая Игра» вышла в точку апогея, мифологический менталитет полностью вытеснил любые представления о реальности. Когда персонажи легенд встречаются на твоём пути каждый день и прячутся едва ли не за каждым кустом, невольно уверуешь в любую невидаль!

Я уверовал безоговорочно – достаточно вспомнить кошмарную ночь Тройного затмения, когда луны Меркуриума выстраиваются в цепочку и на них падает тень планеты. Тогда я в полной мере ощутил на себе, каков проект «Легенда» в действии. Николай ничем не объясняет появившуюся у искусственных существ немотивированную агрессию, которую они выплескивают на людей, но тогда я видел не просто атаку хищной «нестандартной фауны» на принадлежащую Зигвальду крепость – это было *целенаправленное истребление* его подданных. Спустившиеся с гор твари вели

себя не как обыкновенные хищники, они пришли убивать ради убийства...

Замечу, что сам Жучок входит в гильдию Стражей Крепостей, сообщества, которое могло появиться только на Меркуриуме. Появились Стражи давно, когда «Легенда» только развивалась и чудищ-страшилищ можно было встретить только в окрестностях семи технологических зон – Совет Первых счел необходимым дополнительно обезопасить скрытые в лесах крупные производственные объекты не только сетью ловушек, но и самой натуральной нечистой силой: именно в районах Семи Крепостей расселили наиболее опасных зверюг, исправно поставляемых Университетом. Подойти к технотоне без надлежащего снаряжения стало невозможно, а оборудование имелось только у алхимиков и агентов Совета.

Некоторые монстры имели привычку мигрировать – они выбирались из леса и начинали докучать живущим в окрестных деревнях простецам. Те, как водится, обратились за защитой к благородным, дворяне создали дружины, обязанные уничтожать чудовищ, и за ними закрепилось название Стражей Крепостей. Два-три столетия спустя гильдия стала общеизвестной и уважаемой – в нее вступали обычно младшие, ненаследные сыновья дворян и просто искатели приключений, услуги Стражей были незаменимыми, поскольку «нестандартная фауна» успешно плодилась, а на Граульфе выдумывали все новые и новые формы искусственной жизни

и обкатывали свои творения на идеальном полигоне, Меркуриуме.

Конечно, жизнь любого Стража стоила недорого. Человек, сколь совершенным и малоуязвимым он ни являлся, противостоять некоторым «образцам» был не в состоянии. Взять хотя бы анимафага, демона которого мне повезло уложить ночью Тройного затмения – спас плазменный пистолет, предусмотрительно захваченный со спасательного челнока «Эквилибрума», пятисоткиловаттный направленный разряд превратил мерзкое существо в кучку пепла.

Потом я с дрожью в коленях узнал от Николая, с кем именно пришлось столкнуться – ткани чудовища вырабатывали колоссальное количество энергии, которой анимафаг мог воздействовать на противника, одного импульса хватит, чтобы разметать человека в клочки. И это не считая псевдо-разумности демона, обычного для таких тварей набора когтей-клыков и гипнотических способностей.

Клянусь, проектировавшего эту невероятную гнусность биоскульптора я бы зарезал собственными руками! Алхимик оправдывался – анимафаги, мол, исключительная редкость, живут только в глубоких горных пещерах, куда здравомыслящий человек не сунется, а на мой вопрос «Зачем вообще было создавать настолько опасное существо?» невнятно пробурчал что-то о серьезных экспериментах Университета в области биоэнергетики.

Я лишь сплюнул.

...По оценкам Нетико, от Морского замка до зигвальдовской Берлоги было километров сто восемьдесят. Если не особо торопиться, это расстояние можно преодолеть верхом за двое с небольшим суток. Зигвальд предпочитал по дороге заглядывать в похожие на Берлогу как две капли воды поместья, коротко беседовал о чем-то с хозяевами-дворянами, затем мы снова отправлялись в путь, на юго-запад, прочь от побережья океана.

Нетико, между прочим, пришлось идти пешком – андронид весил почти три центнера, его никакая лошадь не выдержит. Николай высказал мнение, что для ИР придется покупать слона.

Слева воздвигалась темная полоса горного хребта, низенькие мохнатые лошадки шагом двигались хорошо знакомыми Жучку тропами – мы ни разу не нарывались на неприятности, хотя в предгорьях Танвальда нечисти хватало с избытком. К закату второго дня показалась уютная долина, в центре которой возвышалась Берлога.

В центре – огромный бревенчатый дом в три этажа. Вокруг жилой башни располагались пристройки, звездочкой спускавшиеся вниз по холму к высокому тыну, окружавшему весь комплекс, состоящий из общинных домов, где жили простецы, конюшен, хлевов, хранилищ зерна и сена, небольшой кузни, ветряной мельницы и прочих сооружений, обеспечивавших полную автономность Берлоги. По словам Зигвальда, Баршанце может выдержать годовую осаду, при-

пасов хватит, а вода всегда есть в двух неиссякаемых родниках и глубоком артезианском колодце.

Пока мы катались в замок Визмаров, простецы успели отстроить новую надвратную башенку, охранявшую проход внутрь крепости, — прежнюю я спалил плазменным «плевком» во время поединка с анимафагом. Заметили нас издали, долина прекрасно просматривалась во всех направлениях. Встречать вышел Теодегизил — родственник Жучка, исполнявший в Берлоге обязанности мажордома.

Зигвальд, Теодегизил и его маленькая дочка Арегунда были единственными благородными, жившими в Берлоге, обслуживали их больше сотни простецов. После Тройного затмения число клонов уменьшилось на тридцать два человека — жертвы оказались слишком велики, а значит, скоро придется ждать появления священников, которые привезут в Баршанце «новых детей», сиречь клонированных младенцев...

— Ровной ли была дорога? — поприветствовал нас темно-бородый Теодегизил. Раньше он относился ко мне с подозрением, но после нападения чудовищ подобрел и перестал пепелить взглядом. Сам Теодегизил едва не погиб тогда, но организм чудом сумел восстановиться, совершенные клетки homo novus стремительно регенерировали. — В доме все хорошо, за минувшие дни не случилось ничего скверного.

— Рад тебя видеть, — ответил Зигвальд, спрыгивая с седла и перебрасывая поводья подбежавшему простецу. — Мы нашли то, что искали...

Теодегизил остановил на мне изучающий взгляд – он был осведомлен о цели поездки в Морской замок. Затем не без удивления осмотрел Нетико, искусственных людей подобного типа на Меркуриуме не встречалось, а различить в нем андроида по фону излучения мог любой благородный.

– Тот самый не-живой. – Зигвальд указал на меня как на владельца ПМК. – Он обрел тело.

– Весьма рад. – Теодегизил чуть поклонился Нетико. Меркурианцы к андроидам относятся нейтрально-уважительно, сознавая, что искусственный разум ничем не хуже человеческого. Просто он другой. – Вам подадут умыться, потом отправляйтесь в трапезную. В Баршанце гости дожидаются хозяина.

– Кто? – насторожился Жучок, да и у меня под грудиной нехорошо сжалось.

Совет Первых и их цепные псы, особое военное подразделение, известное на планете как Гвардия Небес, отлично знают, что на Меркуриуме появился чужак, и наверняка жаждут со мной познакомиться. Только вот я к этой встрече решительно не стремлюсь, поскольку действуют эти люди самыми предосудительными методами и жалости не знают!

– Благородные господа Сигизвульф и Фритила из Ротвальда, Эохар из Шперенберга и Оган с Медвежьего озера.

– А-а! Конечно, я приглашал их! – облегченно вздохнул Зигвальд. Повернулся к нам: – Это мои родичи, владельцы соседних маноров и подданные герцогов Визмарских! Очень

хорошо, что они приехали!

Я понял, что Зигвальд продолжает осуществлять свой план – он упоминал, что собирается созвать небольшой совет, на котором представит мою персону бывшим соратникам Риттера фон Визмара. Зачем это понадобилось Жучку, я не представлял, однако догадывался, что на мой счет у господина Баршанце есть некие собственные планы, посвящать меня в которые он пока не торопился.

Остается надеяться, что Зигвальд не сделает злосчастного инопланетянина знаменем новой авантюры, наподобие мятежа 3138 года! Впрочем, с него станется – Жучок простоват лишь на первый взгляд, житейская хватка у него что надо!

– Ничего не бойся, – вполголоса сказал Николай, подтолкнув меня локтем в бок. – Ты важная особа, это первое. Во-вторых, мы узнаем, что задумал наш гостеприимный хозяин. Твой статус определен окончательно – Зигвальд теперь знает, что ты принадлежишь к герцогской семье, и он видел, как Морской замок принял тебя.

– Этого я больше всего и боюсь. Меня попросту используют в своих целях...

– Используют? – Алхимик усмехнулся. – Плохо ты знаешь меркурианцев! Поверь, Зигвальд – честный и открытый человек, незачем ждать от него нехорошего подвоха. Учти, он тебя уважает, так попробуй не разочаровать!

– Чем не разочаровать?

– Собственным идиотизмом и привычным для вашей ци-

визации неприятием реальности. Меркуриум теперь твой дом, возможно навсегда.

– Вот этого я опасаюсь больше всего!.. Пошли мыться, не выношу вонь конского пота.

– Сотый раз повторяю: привыкай.

Глава третья

Второй рассказ Николая Крылова

ВИННИ-ПУХ И ДЕНЬ ЗАБОТ

Дольни-Краловице-Бердыч.

10–14 августа 3273 г. по РХ

– После инцидентов такого рода обычно следует немедленный отзыв на Граульф, – сказал пан Щепан. – Инструкций по режиму секретности никто не отменял. Ты влип. Нет, не так! Вляпался! Обеими ногами! В огромную лужу свиного навоза! Ты хоть понимаешь, какие неприятности грозят, если мы скроем это происшествие? Тебя, молодого да глупого, может и простят – переведут куда-нибудь на Пятую Овна, будешь заниматься второстепенными направлениями, биомоделированием, РНК-посевом в новых мирах... А я? Я жизнь положил на этот проект!

– Это я молодой и глупый?

– Да, черт побери! По крайней мере, ведешь себя как мальчишка! За месяц – три вопиющих нарушения! Вильрих со своей ведьмой, потом события в Готии, а сейчас история с паном Озимеком!

– Умоляю, не надо кипятиться. Не все так плохо, как кажется! И потом: вы меня покрывали!

– Он тебя шантажировал?

– Пан Озимек – воспитанный человек, дворянин. И профессионал. Он понимает, что алхимики по своему статусу ему неподвластны. Господин советник предложил взаимовыгодное сотрудничество.

– Теперь это так называется? Вспомни инструкцию, строжайше запрещающую передачу местному населению любой информации, касающейся «Легенды» и деятельности наблюдательных центров!

– А кто об этом узнает, кроме нас и самого Озимека? – Я развел руками. – Господин советник канцелярии не производит впечатления сплетника.

– Ох, балбес! – Щепан бессильно откинулся на спинку кресла. Сказал, понизив голос: – Особые ведомства Меркуриума только на первый взгляд кажутся самостоятельными и независимыми. Я с большой долей вероятности полагаю, что их контролирует Совет Первых, который, в свою очередь, выказывает недовольство нашей деятельностью. Если алхимиков поймают за руку и докажут преднамеренное нарушение договора между Советом Первых и Университетом, наблюдателей сотрут в порошок!

– Без нас «Легенда» окончательно развалится, и Совет отлично это понимает. Они не решатся ссориться с Граульфом, это противоречит их интересам.

– Головой подумай! – не на шутку взъярился пан Щепан. – Управление проектом сейчас замкнуто непосредственно на

Университет по линии Планка, мы лишь ненужные статисты! Консультанты с опытом полевой работы! Наблюдатели временно отстранены, и пока непонятно, как трактовать эту «временность» – год, пять лет, столетие?

– Не вижу в происходящем никакой логики, – вздохнул я. – Может быть, от нас что-то скрывают? В проект внесены некие модификации, изменилась концепция, планируется другой способ реализации? На Граульфе тоже поняли, что у нас появились серьезные проблемы, деканат обязан принять меры. Конечно, не такие дурацкие, как сейчас – боевые корабли с Норика планету не спасут.

– Долбанные теоретики, – зло фыркнул пан Щепан. – Нам остается только ждать... Запомни раз и навсегда: контакты с паном Озимеком я тебе запрещаю. Категорически. Будет настаивать – доложу по инстанциям, Совет его быстро утихомирят. Сейчас можешь заняться делами, съезди в Бороградек, как и планировал.

– Кстати, про Бороградек. Наша... э... больная в порядке? Вообразите, что произойдет, если Озимек сам *доложит по инстанциям*, например князю или в столицу – у советника есть документальные подтверждения беременности проститутки! Представить не могу, какой кавардак начнется на Меркуриуме!

– Ответим, что бумаги сфальсифицированы, а сами тайно переправим женщину на Граульф через точку сингулярности!

– И чего этим добьемся? Допустим, мы столкнулись с явлением массового порядка и вся партия клонов выбракована? Скрыть это не получится в любом случае.

– Вот езжай и проверь! Окажись ты прав, нам точно крышка!

* * *

Обрушившаяся в последнее время бесконечная череда неприятностей, проблем и необъяснимых событий привела меня в уныние – ничего подобного не происходило на тихом Меркуриуме со времен колонизации планеты. Убежден, что полностью оценить масштаб происходящего не способны и в Университете, как бы ни хорохорились тамошние высоколбые спецы. Целостная картина у них явно не складывается, иначе на планету отправили многочисленный десант лучших аналитиков и специалистов в области биоконструирования, которые занялись бы делом, а именно – отловом и изучением подвергшихся мутациям искусственных организмов и поиском радикальных способов борьбы с ними.

К сожалению, пока царит умиротворяющая тишина, будто так и надо. На Граульфе или спешно готовят серьезную операцию по коррекции «Легенды», или (что вернее) предаются досужим рассуждениям из серии «что это может быть?».

Больше всего я опасаясь третьего варианта – начальство отнеслось к меркурианским трудностям с неизъяснимым восторгом, как же, новая интересная задача, процесс необходимо понаблюдать в развитии! Есть жертвы? Да и плевать, ради сияющих вершин науки можно пойти на определенные уступки в области этики и морали! Этот закон не нами установлен, не нам его и менять!

Впрочем, окончательно веру в человечество я доселе не потерял и надеюсь, что такие серьезные подозрения неоправданны. Ни единый нормальный человек не решится поставить под угрозу жизнь и благополучие населения целой планеты, а у нас в Университете трудятся люди в целом вменяемые. Иногда увлекающиеся, конечно, но вменяемые.

В одном сомнений нет – если вообще ничего не делать, станет только хуже. Я сидеть сложа руки не собираюсь!

Лезть на рожон совершенно не следует – допрыгаюсь до высылки с Меркуриума и подведу пана Щепана. Потихоньку, стараясь не создавать вокруг себя нездоровый ажиотаж, без лишнего шума и подальше от любопытных глаз. Будешь осторожен и осмотрителен – узнаешь все, что нужно.

Две беды: я слабо представляю, что именно необходимо узнать, а кроме того, не владею никакими рычагами воздействия на Университет (про грозный Совет Первых скромно умолчим, с этой структурой лучше не связываться, может плохо кончиться). Если как следует подумать, контуры означенных рычагов постепенно вырисовываются, к настоящему

моменту смутно и неясно, но дайте мне немного времени и не мешайте работать! Информация – очень серьезное оружие, главное – распорядиться ею с умом.

Ай, ладно – Бог не выдаст, анимафаг не съест!

...Беседа с паном Озимеком против моих ожиданий носила мирный и почти доброжелательный характер. Секретарь канцелярии не грубил, о секретах алхимиков не допытывался, предпочитал выражаться метафорами и полупафами, навязчивости не проявлял. Рассказал, что с обвиняемым по делу о покушении – взят с поличным, арбалет и набор стрел приложены в качестве улики – общался лично полную ночь. Выяснил, вот беда, немного.

– С такими-то методами? – поморщился я, отгоняя видение подвального каземата.

– Методы самые обыкновенные, – невинно ответил пан Озимек. – У нас свято блюдут древние традиции, не хочешь говорить по-хорошему, будет по-плохому... Каждый знает, что простецы легковнушаемы и беспрекословно подчиняются благородным, но в этом случае законы природы и общества не подействовали. Или вам будет понятнее выражение «законы биологии»?

Я промолчал и воздел очи горе. Отсылка к науке принята и осмыслена. Озимек, в отличие от большинства дворян, прекрасно знает, откуда берутся простецы и каковы их врожденные особенности.

– Гжесь, наш палач, – непринужденно продолжал шеф

тайной полиции княжества, – знает толк в ремесле, через его заботливые руки прошло много простецов и еще больше благородных – обычный простец, за которым недоглядывают господа, способен исключительно на мелкую уголовщину – они ведь обладают частичной свободой воли и действий, не так ли? На серьезное преступление простец не пойдет, поэтому заговоры, незаконный оборот запрещенных товаров, шпионаж в пользу сопредельных держав, убийства и прочие серьезные грехи остаются привилегией дворян.

– И часто? – поинтересовался я.

– Чаще, чем хотелось бы, но это к делу не относится. Я могу быстро разговорить любого из простецов, это не трудно, но вчера вечером пришлось приложить множество стараний, «дикари» плохо идут на контакт.

– Даже после употребления специальных средств дознания? – съязвил я.

– Поверьте, мне очень жаль, что так вышло, – любезно улыбнулся пан Озимек. – Но мы приложим все старания, о результатах я непременно доложу при следующей встрече. Разрешите задать несколько вопросов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.